

PR хри\$товый

ВОЛЬДЕМАР СОБАКИН

Вольдемар Собакин

PR христовый

«Издательские решения»

Собакин В.

PR христовый / В. Собакин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-838807-1

В закрытом психиатрическом пансионате появляется необычный пациент. Талантливый врач-психиатр решается на смелый религиозный эксперимент в масштабах страны. Когда твой друг Иисус — атеист, а олигарх боготворит Сталина; когда РПЦ объявляет тебе войну, а народ, променявший достоинство на гамбургер, начинает включать мозг, и при этом на твоих глазах творится чудо — самое время задуматься: а кто, собственно, здесь ненормальный?! Не рекомендовано религиозно озабоченным гражданам.

ISBN 978-5-44-838807-1

© Собакин В.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	20
Глава 5	23
Глава 6	26
Глава 7	28
Глава 8	31
Глава 9	35
Глава 10	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

PR христовый

Вольдемар Собакин

© Вольдемар Собакин, 2018

ISBN 978-5-4483-8807-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

... Человек, стоящий на голове, весит больше, чем, если бы он стоял на ногах. Объяснение этому дать никто не может, но некоторые полагают, что это душа тянет стоящее на ногах тело в небо.

Двумя годами ранее.

В старофоминском психиатрическом пансионате о душах не думали, в нём их лечили. Лечили полным невмешательством, регулярно проводя медицинскую ревизию тел обитателей заведения. Излечившиеся души отпускались в небо, осиротевшие же остывшие останки складировались на местном погосте. За более чем вековое существование душевная здравница облагородила кладбище несколькими десятками ровных рядов могил. Под лучами заходящего солнца, особенно по весне, одинаковые ограды и кресты, безупречно покрашенные одинаковой краской, создавали ощущение архитектурного рационализма и концептуальной законченности. От этого, казалось бы, по определению скорбного места тянуло каким-то необъяснимым и еле ощутимым ветерком надежды на что-то благостное, а лёгкий шелест прикладбищенского леса убаюкивал абсолютной умиротворённостью.

– Вот скажи мне, Костик, почему вот здесь, – мужчина в белом халате указал в направлении погоста, – красота, порядок и перспектива, а вот там, – показав на высокий забор из металлических прутьев, – там хаос, уныние и бесперспективняк?!

Мужчина глубоко затаился, выпустил ноздрями дым и, не дождавшись ответа, продолжил.

– Весь этот бедлам, от паталогической несочетаемости двух ингредиентов в кастрюле супа нашей жизни – тела и разума. Сами по себе оба ингредиента прекрасны – возьми упругое тело женщины, или разум интересного собеседника! И то и другое – безусловный максимум наслаждения, но стоит эти прекрасные индивидуальности бросить в один котёл... – мужчина задумчиво замолчал, затаился и, повернувшись к сидящему человеку в паре метров напротив на скамейке, непринуждённо продолжил.

– А правда, что у тебя три попытки побега за последний год? – говорящий сделал многозначительную паузу и назидательным тоном продолжил, – Вот тут – палец постучал по лежащей на деревянных перилах картонной папке, – я найду ответы!

Казалось ни предыдущая риторика человека в белом халате, ни этот вопрос не произвели никакого действия на Костика, худощавого парня лет тридцати трёх в сером вытянутом свитере и тёмными грязными волосами, отросшими до плеч. Костик всё так же с видом полной отрешённости взирал вдаль куда-то поверх могильных крестов, убедительно изображая овощ.

– Знакомиться нам всё равно придётся, а в этих делах я предпочитаю получать информацию, так сказать, из первоисточника! К тому же переехать туда, – доктор вновь указал на ровные ряды могил, – тебе удастся не скоро. Ну и про дать дёру из этого приюта инфицированных душ – вообще можешь забыть сразу, – полный анриал!

Костик не проявлял ни малейших признаков участия в беседе, а потому доктор, иногда бросающий профессиональный взгляд в его сторону спокойным, чуть замедленным голосом продолжал:

– Ab ovo, как говорится! Ты уже неделю здесь и скорее всего уже смог понять, что до конца своих дней это твой дом. Соглашусь, не о таких домах мечтает современный обыватель, но сто лет назад, поверь, это был очень желанное жилище, я бы сказал – венец тогдашнего домостроения! Теперь на первом этаже – процедуры, персонал, охрана, второй этаж любезно отдан вам, скитальцам разума, обредшим здесь свою последнюю гавань! Ты кстати теперь пять-

десять седьмой член этой, не сказать чтобы нормальной, но весьма дружной семьи. Твоя свобода везде, где нет заборов, в общем, этот чудесный погост и весь двор в твоём распоряжении. Если заскучаешь, лекарство от скуки здесь одно – уход за могилками, – так живое безумство отдаёт дань безумству усопшему! Касаемо членов семьи – буйных тут не держат, все имеют свои заслуги перед Родиной, за что собственно и поселены не в обычную психушку, а в нашу чудную обитель на лоне дивной природы, вдали от людского муравейника и ненужных вам более соблазнов.

Краем глаза доктор заметил на себе взгляд Костика, проходящего вдаль сквозь него, а потому, повернувшись к нему, продолжил:

– Считаю, что ты, Константин, попал в пожизненный санаторий. Я пока не открываю твою папку и мне как ходоку по весям человеческой психики крайне любопытно самому определить маршрут нашего с тобой совместного путешествия. Каким оно будет – зависит в большей степени от тебя!

Затушив и отправив в урну окурок, взяв личное дело молчаливого пациента, доктор исчез за обшитой мятым железом дверью.

Угасала пятница второй апрельской недели.

Каждый одинокий мужчина по-своему пытается переносить отравление коктейлем кризиса среднего возраста из чувства никому ненужности, раздирающего ощущения оставшейся позади полноценной жизни и метки «сорокет», перечеркнувшей возможность её камбэка. Кто-то накрепко подсадет на алкоголь, кто-то на компьютерные танчики, кто-то пытается урвать последние остатки молодости, предавшись охоте за свежими женщинами, кто-то сгорает в азартных играх, кто-то сидит на наркотиках.

Хрулёв тупо сидел на работе. По подоконнику постукивал лёгкий ночной дождь, создавая некое подобие собеседника. Доктор иногда любил поговорить сам с собой, причём вслух и с присущими реальному общению мимикой и жестами. Это его успокаивало и спасало от хронического вечернего одиночества. Но сегодня речи не рождались, мысли не роились, слова не складывались в предложения. Сегодня, в сорок два года доктору медицинских наук, почётному психиатру Тверской губернии Нестору Георгиевичу Хрулёву, пришло граничащее с явным ощущением приближающегося перелома в его размеренной и однообразной жизни.

Это возникло внезапно во время планового осмотра жилья (так в пансионате называли его обитателей), и так же внезапно исчезло, оставив не придавшему ему значения служителю Асклепия ощущение кольнувшей в его шею тонкой иглы. И вот теперь Нестор отчётливо понял суть произошедшего. Что он понял, как он это понял, объяснить себе он не мог, но фантом того, что его жизнь намерена навсегда сменить вектор, ощущался явственно.

Равнодушный к алкоголю Хрулёв откупорил бутылку коньяка, стоявшего в шкафу его кабинета с незапамятных времён, и залпом опустошил треть бутылки. Пить он не хотел и не любил, но подсознательно повинувшись торжественности момента, посчитал подобное действие единственно уместным. Не привыкший к крепкому алкоголю организм взрослого мужчины унёс последнего на спорную территорию царств Диониса и Морфея. Под стук ночного дождя и собственного сердца Хрулёв спал, чтобы проснуться, как он надеялся, новым человеком.

Нестор рос здоровым и энергичным ребёнком в семье потомственных врачей. Ещё в школе у него проявились склонности к психологии и перфекционизму. В старших классах, в то время, когда его одноклассники тискали на дискотеках девчат, Нестор кропотливо изучал литературу по психологии и гендерным отношениям. В школе, а после и в институте Нестор элегантно разруливал все неловкие, предвещающие грубую физическую силу в отношении него

ситуации, попутно прощупывая молодых членов общества на психологическое рефлексирование.

Появление интернета сыграло в жизни молодого Нестора определяющую роль. В чатах он оттачивал мастерство проникать в чужое сознание посредством доверительного общения, основанного на внимании и подмеченных тонкостях душевной организации собеседника. Отец как то сказал ему – хочешь узнать, как поведёт себя в какой-либо ситуации человек – взгляни на мир его глазами. И вообще, если хочешь быстро узнать суть человека – выведи его из привычного состояния, и тогда под маской ты увидишь его настоящее лицо.

Днём, изучая психологию в институте, вечерами будущий доктор медицинских наук шлифовал своё мастерство в чатах, где на зависть остальным парням с лёгкостью привязывал к себе внимание самых достойных дам.

Отсутствие лишних средств и свободного времени не позволяли молодому Хрулёву классически общаться с девушками конфетно-букетным способом, однако, ненавязчивое формирование выбранных им особ посредством сетевого общения позволяли достигать требуемого результата весьма эффективно. Обычный процесс соблазнения Нестором понравившейся девушки выглядел так: после первого знакомства в чате он ненавязчиво подводил собеседницу к осознанному желанию поделиться с ним фоткой. Далее, если её внешность устраивала Нестора, следовал месяц-другой приятного сетевого общения, в котором он применял все свои знания, изящно перебирая самые тонкие струны психического естества собеседницы. К тому же, он умел почти реально ощущать по дистанционному общению примерные эмоции и реакции собеседниц на его слова. Общением Нестор подогревал даму, и вот уже желание первой встречи в реале исходило от неё. Тут молодой искуситель слегка остужал вождельную нимфу разговорами о якобы его робости перед её реальным вниманием, о том, что она достойна лучшего мужчины, но при этом продолжал очаровывать её ещё больше, ловко подкидывая виртуальную лингвистическую подкормку в реальную лунку женского либидо. В конечном итоге мозг девушки вскипал в её очаровательной черепной коробке, а желание первого свидания выплёскивалось в каждой фразе их клавиатурного общения. При этом Хрулёв обладал природным обаянием и классической мужской внешностью, не сказать, что красавец, но скорее чуть привлекательнее среднего.

На первой реальной встрече дипломатичный Нестор представлял таким, каким девушка его себе уже нафантазировала, естественно не без помощи предшествующих манипуляций молодого психиатра. После непродолжительного, но морально добивающего объект вождельнения randevu в кафешке, Нестор выжидал паузу в несколько дней, заставляя жертву поволноваться на предмет «понравилась – не понравилась и что со мной не так». После, выслушав её пронзительную тираду, делал вид, что он пребывает в некоем состоянии, которое не испытывал от встречи ни с одной другой и, кажется, он влюблён, но слегка побаивается скорости развития их фантастически завораживающих отношений, и вообще не верит в случайным образом свалившееся на него счастье в лице такой очаровашки!

Хваткий Нестор изначально «работал» по девушкам, обладающим своим местом для будущих интимных встреч. Впрочем, практичность всегда была основополагающей в его семье не в одном поколении.

В итоге «обработанная» им дама сама намекала на встречу на её территории, и в большинстве случаев сие сопровождалось фразой типа «Я боюсь, что ты не так обо мне подумаешь и я не такая, но ты действительно мне очень нравишься!».

Регулярный интим обычно длился несколько месяцев, а после с первыми маячками потери Нестором интереса к данному телу, он элегантно сливался, вынудив девушку плавно разочароваться в нём. При этом Нестор уже налаживал мосты с новым объектом влечения.

К тридцати годам Хрулёв щёлкал орешки как белка, на автомате, по отлаженной им программе, которая редко давала сбои. С его стороны не было уже никаких душевных переживаний и юношеских волнительных терзаний. Налаженный конвейер стабильно поставлял мясо на греховную кухню половой здравницы...

В тридцать три года калейдоскоп женского разнообразия окончательно утомил Хрулёва своей идентичностью и предсказуемостью. Жизнь впала в цикличное движение круглогодичного дня сурка. Годы интенсивного полового чревоугодия выхолостили в молодом психиатре остатки чувственности и романтизма, превратив его, не сказать чтобы в ледяного циника, но в весьма социально охладившего к людям человека. Теперь, в каждом конкретном члене общества Хрулёв замечал только его психотип, особенности поведения и ментальные зацепки, манипулируя которыми он и вёл свою социальную жизнь.

В тридцать пять Нестор всецело отдался психиатрии. Бросив перспективное место в Твери, перебрался в губернскую глушь в упомянутый выше закрытый психоневрологический пансионат при МВД.

Пансионат находился в вековом сосновом бору в паре десятков километров от ближайшего районного центра. Если говорить точнее, то пансионатом данное заведение числилось лишь в отчётных бумагах; фактически заведение становилось пожизненным домом для одиноких лиц, имеющих заслуги перед Отечеством, но совершивших тяжкие преступления по причине потери рассудка. Таковых на данный момент в пансионате числилось пятьдесят семь душ, их и наблюдал Хрулёв в должности штатного психиатра, с энтузиазмом первооткрывателя изучая сломанный человеческий разум каждого бедолаги.

В копании в мозгах обезумевших, Хрулёв находил ту непредсказуемость, которую утратил в отношениях с нормальными людьми, открывая новые грани человеческой сущности, и скрупулёзно фиксируя свои размышления в журнале наблюдений, ставшим, по сути, его научным детищем. За каждым жильцом пансионата была своя неповторимая, порою невероятная история жизни, в которой как в фантастических романах переплетались и бескорыстное благородство, и безумная любовь, и беспримерная отвага, и падение в индивидуальную бездну людской трагедии. И от того, что это была реальная жизнь, а не придуманные романы, личные дела пациентов для доктора были привлекательнее прочих общепринятых наслаждений жизни, включая женщин, алкоголь и деньги. Он докапывался до сути, породившей безумие конкретной личности, выкладывая паззлы каждого закоулка причинно-следственных связей, составляя полную дорожную карту, приведшую к сбою разума.

У Хрулёва был свой кабинет, из которого вела дверь в выделенную ему для проживания комнату. Комната имела окно, кровать и ни одного повода считать её тоскливой. В окна по утрам светило Солнце, а в открытые форточки круглые сутки лился густой воздух с ароматами хвои, заполняя лёгкие её обитателя.

Уже семь лет Нестор наслаждался социальным дауншифтом, благотворной непостижимостью окружающей природы и непаханым полем экспериментов, которые уже давно поглотили основную часть его интересов в жизни.

Глава 2

Хрулёв так и не понял, что его разбудило – то ли бесцеремонный солнечный луч, настойчиво слепящий сквозь закрытые веки через узкую полоску неприкрытого шторами окна, то ли телефон, в вибрационном экстазе колотящийся о початую бутылку коньяка на столе. Нестор дотянулся до телефона и, не открывая глаз, прижал его к уху, сонно выдохнув:

– Слушаю!

– Нестор, бродяга, скоро буду! Проездом на два дня! Готовь палату!

– Дарик, ты что ли? – Нестор, посмотрел на часы, – Сейчас пять двадцать... Во сколько ждать?...

– Всё, ловлю такси и с вокзала – в вашу богодельню! Через пару часов пожму лапу!

Телефон замолк, Хрулёв потянулся, зевнул, поймал взглядом бутылку на столе и произнёс:

– Ну что, Проведение, веди меня, я твой!

Первое субботнее майское утро в сосновом бору, лёгкий щебет птах, жужжание проснувшихся насекомых, потрескивание падающих веток, бисер паутины с росой между веток на фоне молодого весеннего солнца и блаженная тишина – если есть что-то более погружающее в негу и пасторально – завораживающее для обитателя бетонных джунглей – дайте мне знать и я вкушу новое блюдо безупречной природной гастрономии.

Нестор любил вот так с утра при наличии подходящей погоды, сделать тройку кругов пробежкой вокруг главного здания пансионата. Учитывая размеры последнего, круг выходил в триста – триста пятьдесят метров.

В выходные доктор был предоставлен исключительно себе, бывало изредка, что у кого-то из обитателей возникал неотложный случай, требующий присутствия психиатра, но такое было не часто. Почётные дачники, как их называл директор, были из числа тронувшихся умом, но не отъехавших рассудком, к тому же волшебство разноцветных пилюль не оставляли агрессии подопечных никаких шансов.

Оббегая здание сразу за кочегаркой, сбоку от кучи оставшегося от зимы угля Нестор заметил выложенный из угольных камней знак. Вблизи знак предстал кругом метра два в охвате, в центре которого во весь диаметр был выложен христианский крест. Пробегаю остальные пару кругов, Хрулёв перебирал в памяти дачников, которые могли бы создать этот угольный шедевр но, не найдя явного кандидата, переключился на иные мысли.

Через час Хрулёву позвонили с КПП. Из его дверей показался Дарик – сорокаторрёхлетний лысоватый армянин худощавого телосложения в костюме, утратившим свою новизну ещё при покупке. В руках гостя, бодро направляющегося к стоящему на крыльцу Хрулёву, болтались большие пакеты; лицо озаряли неподдельная улыбка и светящиеся глаза. Подойдя, Дарик набросился на Хрулёва с горячими объятиями, прижав друга к себе!

– Здорова, бродяга! Три года тебя не видел! Вот всегда говорил – белое тебе к лицу! – выпалил Дарик, обегая взглядом рабочий халат Нестора.

– А не тот ли это костюм, в котором ты на Олесе женился? – с улыбкой поинтересовался Нестор.

– Тот самый, а вот с Олесью сложнее, ну да ладно, обо всё потом, а пока покажи, куда мне бросить кости!

Нестора Георгиевича в пансионате уважали как постояльцы, так и персонал, как уважают незабвенно преданного своему делу специалиста, посвящающего свою жизнь любимой работе и достигшего в ней немалых высот. Нестор с подобающим профессии чувством меры пользо-

вался этим – Дарик был заселён в комнату напротив кабинета Хрулёва, в которой размещали иногда навещающее высокое начальство из области.

Вообще-то, его звали Дарием, Дарием Абрамяном. В детстве и юности, квартиры их родителей располагались на одной площадке. Соседи были дружные, а детей водили сначала в одни ясли, потом в один детский сад, после в одну школу. По факту у Хрулёва был только один человек, которого он уверенно мог назвать другом и этот человек стоял сейчас рядом. У Дарика в силу его восточного характера, безлимитного жизнелюбия и занятия автосервисом друзей было на порядок больше. Тем не менее, Хрулёв был рад любой, даже ставшей за последние лет пятнадцать редкой встрече и общению с этим человеком. Им было о чём вспомнить часов на пять неумолкаемой беседы, чем они и занялись, быстро накрыв нехитрый стол, во главе которого стояла выпитая на треть бутылка коньяка.

К вечеру было оговорено много новостей последних трёх лет и уговорены последние две бутылки спиртного. Дарик всё так же держал автосервис на окраине Ростова, жена Олеся, на свадьбе которых Нестор одарил их дорогой стиральной машиной, изменила Дарику, была побита и выгнана ещё полгода назад. Детей Дарик не нажил, но твёрдо, хотя и не высоко финансово стоял на ногах.

Дарик и Нестор, не оказавшись их судьбы связаны соседством в нежном возрасте, не могли в зрелости сойтись никоим образом. Если говорить простым языком – являясь общим видом, каждый лично относился к иному подвиду, как например шимпанзе и горилла, являясь обезьянами, относятся к разным подвидам, что исключает возможность их естественного жизненного сближения. Сблизившиеся этим субботним вечером изрядно подвыпившие одинокие мужчины среднего возраста, пошатываясь и опираясь на плечи друг друга, шли в закат, чтобы пройдя погост, упереться в неприступную стену пансионата и непреодолимую границу возможностей своих организмов. Заснув и, к полуночи, подмёрзнув на ещё не отогретой от зимы земле, они кое-как добрались до своих комнат, бросив свои тела в койки.

С утра в воскресенье, чуть заглушив похмелье разбавленным медицинским спиртом, друзья сошлись на том, что кульминацией их встречи, после трёхгодичной разлуки непременно должна стать ночная рыбалка – благо небольшая речушка протекала совсем рядом, а все необходимые снасти были кем-то предусмотрительно оставлены под кроватью Дарика.

Сказано-сделано. После обеда рыбаки выдвинулись в направлении речки. Остановились на красивом пейзаже с пологим спуском к реке и ровной площадкой для костра. Тут и разбили лагерь, представляющий из себя небольшой навес – растянутый между тремя соснами брезент, выкопанную яму для кострища с рогатинами по бокам и две наспех сооружённые из нескольких сухих стволов скамейки.

Удочки закинули уже к закату. На червя рыба не шла, а вот на хлеб стали попадаться плотвички и окуньки, мелкие, но регулярные. Часа за два, наловленные полтора десятка рыбин плавали в кипящем ведре. Аромат ухи с привкусом древесной золы приятно щекотал ноздри. Хлеб, зелёный лук, соль, две большие деревянные ложки лежали у костра на газете. Уставшее за день солнце сползло за горизонт.

– Эх, хорошо то как! – глядя сквозь пар над ведром, произнёс Нестор, – Случаются же в жизни подобные моменты, когда вся тяжесть вдруг становится невесомой, тебя ничего не тревожит и от ближайших часов жизни ты гарантированно ожидаешь только позитива!

– Это да, брат, такие моменты потом всю жизнь вспоминаешь, – помешивая черпаком уху, добавил Дарик, – вот мне сорок три, а таких моментов как сейчас было не больше полсотни; то есть получается чуть больше по одному на год. Маловато как-то! Вот у тебя не было такого – ты просыпаешься утром, вставать никуда не надо, да и лень, и окидываешь бегло так свою жизнь. А после понимаешь, что прожито уже так много, а сделано так мало?!

– Есть такое! – Хрулёв снял ведро с огня и с улыбкой продолжил, – Дантес в двадцать пять убил Пушкина, Мартынов в двадцать шесть Лермонтова... мне уже сорок три, а ничего хорошего в жизни я ещё не сделал!

– Тогда двадцатипятилетние, – подхватил Дарик, – за свои четверть века проживали столько событий в жизни, сколько сегодня не каждый пятидесятилетний за плечами носит... Вот возьми меня – за последний год по крупному только развод с Олеськой, да поменял машину, хотя машина это конечно мелочи. Даже и похвастать не чем! Ты вот лучше про своих психов расскажи и когда в большую жизнь то вернёшься?

– А где она эта большая жизнь? – Нестор вопросительно смотрел на Дарика, – там в городах, где вокруг тебя много живых людей, которые сами себя торопят стать мёртвыми, или здесь, где мало живых и полный погост усопших, которые молча дают тебе ежедневный повод не тратить попусту свою жизнь?

Хрулёв осторожно отхлебнул из дымящейся ложки: – А про психов... так все психи сюда из городов и попадают! Город сначала убивает разум, а убитый разум добивает тело. Да и психов среди моих подопечных нет, есть нездоровые люди, совершившие преступления по причине невменяемости. Вот возьмём, к примеру, одного здешнего жильца – Капитаном его зовём. Под восемьдесят лет деду, в прошлом моряк-подводник, капитан, такие кренделя под носом у потенциального врага вытворял, что героя присвоили, два раза спасал экипаж и лодку, когда шансов практически не было. Двери генеральские ногой открывал, уважали его и боялись, здоровье конское было. Почётный пенсионер... Сын со снохой, жена, в один день погибли на дороге... Как выключили человека! Из родни только внучка осталась, он её с детсада один и поднимал. А та в семнадцать привела здорового мужика в дом и деда выживать стали из его же квартиры. Сначала морально давили, пытались в психушку пристроить, а после травить начали. За год ему столько препаратов скормили, сколько у меня по работе в кладовке нет! Повело деда мозгами конечно, а когда ноги отказали они его по весне на балкон утром вытащат, ведро да хлеб оставят... Он так до осени на балконе пятнадцатого этажа и жил... Всю жизнь других людей защищал, а себя от родной внучки не смог!

Нестор закурил, глубоко затянулся и медленно вверх выпустил дым, как выпускают тяготившее годами прошлое, пытаясь выплеснуть из себя его боль.

– А чего он с балкона помощи то не попросил? – осторожно спросил Дарик, – Глядишь, люди бы сообщили куда следует!

– Думаю потому же, почему Зоя Космодемьянская в свои восемнадцать под пытками имя своё настоящее не назвала... Казалось бы какая разница, своим или чужим именем немцам назваться, всё равно же убьют, ан нет... Что-то наперекор нечеловеческим мучениям не даёт некоторым людям не то что сломаться, а даже прогнуться! А молодоговардейцы? Их жгли, а они молчали и плевали в глаза извергов. Выходит, что не жизнь главное для некоторых, а нечто другое... Гордостью ли это назови, дерзостью, или убеждениями... не знаю, термина в медицине такому нет. Но то, что людей таких сейчас мало – это факт!

– Да, жизнь изменилась, времена поменялись. – Дарик, отложил ложку в сторону.

Ближайшие минут пять оба молчали и каждый о чём-то своём молча разговаривал задумчивым взглядом с безграничностью ночного неба. Уютно потрескивал костёр, смешиваясь с голосом ночной кукушки, лёгкий ветерок теребил молодую листву...

– А что было дальше с Капитаном? – Дарик нарушил тишину, – Как он здесь то оказался?

– Да как?! Дверь на балкон забыли запереть, а он из последних сил дополз до шкафа, надел свой китель с орденами и на диване стал ждать. Вернулся хахаль внучкин, попытался вытолкать деда на балкон. А у деда кортик наградной; как написано в деле – при исследовании трупа установлено колото-резаное ранение сердца с повреждением передней стенки левого желудочка, проникающее в его полость и заканчивающееся в толще межжелудочковой перегородки. А после залез в кресло, облил себя ацетоном. Внучка нашла его без сознания с корб-

ком спичек в кулаке! Не успел, дед, но оно и к лучшему. В тюрьму его отправлять не стали – не по-людски как-то, он для страны столько сделал, вот его сюда и определили. Лет пять у нас уже. Не разговаривает, на каталке возят. Китель на стене весь в орденах над кроватью висит.

– Внучку-садистку посадили? – с надеждой спросил Дарик?

– Не знаю, но вроде кто-то говорил она скололась...

– И откуда только такое зверье среди людей берётся, – рассуждал Дарик – всех вроде на добрых сказках и примерах воспитывают, а вырастают из некоторых, даже говорить не хочется... Скажи лучше ты, как мозговед, ты же знаешь? Да?

– Хочешь скажу тебе правду? – Нестор интригуяще посмотрел в глаза собеседнику, – Ни один мозговед не понимает принцип работы мозга, в лучшем случае строит причинно-следственную картину конкретного пациента, приведшую к наблюдаемому результату. Многовековой опыт выявил некие зависимости физического отклонения отдельных областей головного мозга от общего усреднённого стандарта, но это явные случаи... А если проще – мозг дурака и гения ни чем не отличаются, абсолютно... но вот при жизни работали они по разному...

– В общем, и ты не знаешь?

– В общем, и я не знаю, я изучаю частности! Даже не скажу кто я больше – психиатр или психолог.

– А в чём разница?

– Ну как бы тебе попроще объяснить... Психолог работает с людьми, у которых в целом здоровая психика, просто некоторые жизненные ситуации требуют психологической корректировки. А психиатр – с людьми, у которых в психике отклонения от общепринятой нормы.

Нестор подвинул остывающее ведро с ухой ближе к пламени, посмотрел на Дарика и, улыбаясь, продолжил:

– Но им обоим нужна помощь психотерапевта!

Дарик оценил юмор и стал извлекать из ведра дымящиеся рыбины, вываливая их на газету:

– Хватит делать мозги, давай ка налегать на рыбку!

Через полчаса удовольствия поедания свежей рыбы на лоне природы друзья вновь вернулись к беседе.

– Я вот понял, брат, что для жизни мне совсем мало надо, – Дарик лежал на бревне и расслабленно смотрел в сторону звёзд, – интересное занятие по жизни, несколько друзей, женщину любимую, место где жить... а богатство, власть... ну хоть и нет у меня этого, а мне сейчас лучше всех!

– Богатство и власть это всего лишь проекции скрытых комплексов, начал было Нестор, но казалось Дарик его не слышал.

– Вот есть, брат, у меня знакомый, ну как знакомый, дальний скажем так, но несколько раз по душам с ним говаривали. Водилой у большого человека в Москве служит, богатый тот человек, очень богатый, и в госдуме был и женат раз в пятый, дома по всему миру, яхта, нефть, заводы, вес политический... А водила мне про него рассказывал, что мол и вроде всё есть и всё было, а после смерти что его простого шофёра, что того, такого расписного, никто помнить не будет кроме родни! Мол, деньги дают возможность купить краску жизни, но не холст истории! А стать мазком на картине в прихожей вечности ему бы очень хотелось. Да вот не знает как, мучается, и деньги не помогают!

– Классическое состояние нереализованности. – пояснил Нестор, – Вот ты ощущаешь себя реализовавшим свой потенциал человеком? Я вот нет и это меня изнутри давит и, скажем так, нехило омрачает моё существование.

– Чтобы войти в историю, – рассудительно произнёс Дарик, – надо сделать что-то большое и необычное, я так думаю... хорошее, чтобы люди тебя запомнили таким!

– Бред! – безапелляционно перебил Нестор, – Герострат, к примеру, сжёг крупнейший храм в своём городе, ну или Гитлер, или Чикатило. Они вошли в историю, пусть позорно, как полные мудаки, но история то помнит их ничуть не меньше, чем например Гагарина или Архимеда!

– А вот ты бы хотел остаться в истории человечества? – Дарик даже повернулся, чтобы увидеть глаза отвечающего.

– Мне было бы приятно оставить если уж не хороший, то хотя бы не плохой след в истории. Я вот понимаю, что моя работа здесь – безусловно, полезна для общества, я пытаюсь внести какие-то новые знания в соответствующую моей сфере деятельности область. Но понимаю, что это вовсе не билет на поезд, который унесёт меня в память благодарных потомков.

– Так смени работу, брат, в нашем возрасте не всё ещё потеряно! – Дарик с нарастающим азартом продолжил, – Вот что тебя, кроме твоих психов интересует?

– Хм..., – Нестор задумался, – печально признаться, но работа с психикой это всё что я умею в этой жизни! И мне это интересно. Знаешь, Дар, я сейчас осознал, что сам выстроил свою линию жизни без возможности уйти в сторону. При всём богатстве плоскостей и направлений, в моём распоряжении только один тоненький вектор в одной доступной мне плоскости...

Нестор нервно закурил:

– Представляешь, Дар, я, корректируя судьбы других, оказался неспособным править свою собственную жизнь, да что там жизнь – даже свой мозг! Последние лет пять меня гнетёт жуткая потребность реализоваться в чём-то действительно важном и новом. Я много думал, прикидывал – ну в чём же, в чём... И дня не проходит, чтобы хоть на мгновение я не ощутил в себе это противное чувство нереализованности!

Бросив в огонь недокуренную сигарету, он продолжил:

– Знаешь, пару дней назад со мной случилось странное – я вдруг отчётливо почувствовал, что в моей жизни совсем скоро что-то изменится. Вот не знаю что, но я это ощущал так же явно, как вкус этой ухи, как ветер в этой ночи...

– Вот видишь, брат, – улыбнулся Дарик, – главное верить и надеяться! Как там поётся – новый поворот, что он нам несёт... А может тебе женщина нужна? Любовь, семья, дети? Ещё не поздно!

– Женщины для психолога, Дар, как впрочем, и остальные люди это материал для исследования, а исследованный материал уже не интересен. Понимаю, что это неправильно и недостойно мужчины и гражданина, но люди для меня в силу профессии стали всего лишь объектами моих манипуляций. У каждой работы есть вредные побочные эффекты... Сначала мы строим жизнь под себя, а после уже выстроенная нами жизнь загоняет нас в свои тесные рамки, изменяя наш мозг и видение мира!

Было глубоко за полночь, когда закутавшись в больничные одеяла, Нестор и Дарий уснули у догорающего костра.

... Утром в понедельник Дарик уехал, оставив Хрулёву позитивных эмоций и тёплых воспоминаний минимум на полгода вперёд. Совершив привычный утренний обход жильцов, доктор вернулся в кабинет, заварил кружку горячего кофе и, достав из шкафа папку, положил её в центр стола. Затем сел на любимое рабочее кресло с ортопедической спинкой, сделал глоток бодрящего напитка и придвинул папку к себе. На картоне крупными буквами было выведено «Карпелин Константин Михайлович», а ниже чуть мельче – «личное дело».

– Ну, что, Костик, новый объект моих изучений, давай знакомиться! – растягивая слова, произнёс Нестор и открыл папку.

Два часа пролетели на удивление быстро, кофе давно остыл, Хрулёв перевернул последнюю страницу папки, резко встал и, накинув докторский халат, спешно вышел из кабинета.

На крыльце Нестор закурил. Докурив и раздавив окурочек, он произнёс: -Ну что ж! Исалий, так Исалий!

Глава 3

Человек вздрогнул, проявив признаки жизни. Глова, безжизненно свисавшая на окровавленной шее, начала медленно подниматься. Солнце осветило измождённое, заросшее растительностью лицо, отчётливо придавая резкость каждой морщине. Веки медленно открылись, человек попытался пошевелиться. Лицо исказилось гримасой боли – безмолвный крик попытался слететь с уст, но превратившись в еле слышный хрип, каплями крови брызнул изо рта.

Человек был распят. Предварительно долго и жестоко бит. Запёкшиеся раны на смуглом теле и окровавленные лохмотья на бёдрах не оставляли сомнений в приближении скорой кончины. К распятому подбежал ребёнок и, смеясь, стал колотить истерзанное тело палкой, норовя дотянуться до лица.

Нестор наблюдал за всем этим, находясь как бы в метрах трёх выше и правее, зависнув над землёй. Каждый удар по телу распятого хлёстко отдавался острой пронзительной болью в теле доктора. С каждым мгновением Нестор становился ближе к мученику, боль становилась невыносимой. Это притяжение вызывало всё большую панику – Хрулёв почувствовал лёгкий толчок от столкновения с висящим на кресте телом и с ужасом осознал, что смотрит на мир сквозь зрачки умирающего человека.

Теперь всё происходило как в замедленной киносъёмке – вот мальчик медленно заматывается палкой, вдали зависла птица... Палка, по предсказуемой траектории, опускается в область третьего ребра. Разрывающая изнутри боль, невозможность сделать вдох...

Хрулёв проснулся. Среди ночного полумрака комнаты в полной тишине сердце стучало особенно громко, отдаваясь в висках каждым ударом. Доктор встал и открыл настежь захлопнутое ветром окно, жадно втягивая свежий лесной воздух. Отдышавшись, он поднял стоящую на полу на половину полную пятилитровую бутылку воды и сделал несколько глубоких глотков. Вода сбегала по щекам на грудь и каплями падала на пальцы ног. Поставив бутылку на пол, Нестор сел на кровать и прошептал:

– Началось!

Сны, а уж тем более сны, заставляющие Нестора вскакивать посреди ночи с испариной на лбу, не посещали его последние лет пять точно. Он всегда спал хорошо и спокойно, и если уж видел сны, то незатейливые, чёрно-белые и тут же забываемые. Сегодняшний сон был необычайно реалистичным, цветным и, казалось, Нестор до сих пор ощущал ноздрями запах увиденного во сне места, перемешанного с песчаной пылью и вкусом человеческой крови. И что странно – во сне Нестор одновременно наблюдал со стороны за распятым человеком, и в это же время физически ощущал всю боль его израненного тела, которая до сих пор, дотлевая, не отпускала сознание.

Весь вечер доктор провёл в раздумьях, анализируя прочитанное утром личное дело нового жильца пансионата. При оценке состояния лиц с нарушениями психики он как врач опирался на общепринятые диагнозы, которые учитывались при дифференциальной диагностике впервые обследуемого пациента. Кроме того, при разработке плана лечения он как клиницист выбирал один из известных вариантов ведения конкретного больного с учётом его состояния, добавляя по мере необходимости свои новые методы. Однако существовал ряд редких психиатрических синдромов, с которыми он как врач (впрочем, как и большинство его коллег) не сталкивался в повседневной практике.

Хрулёв, знакомясь с личным делом нового пациента, первым и главным моментом считал верную постановку диагноза. На основании документов, Нестор предварительно отметил для

себя то, что пациент Карпелин не имеет какого-то ярко выраженного классического синдрома, но обременён винегретом из нескольких довольно редких – синдрома Котара и так называемого иерусалимского синдрома. Естественно без длительного вербального общения окончательный диагноз пациента поставить невозможно. Но первая же попытка наладить контакт несколькими днями ранее полностью провалилась.

Константин Карпелин рос в сызранском детском доме, из которого благополучно перекочевал в суворовский кадетский корпус, влив каплю своей дальнейшей судьбы в славное море защитников Отечества. В двадцать три года Карпелин посетил свою первую горячую точку. Теперь за его плечами было тридцать четыре года и четыре командировки, за которые он имел пять орденов и восемь медалей. Не отличаясь особо могучей внешностью, лейтенант Карпелин обладал завидным логическим мышлением и молниеносной реакцией, за что и был достойно оценён командованием.

Всё произошло около трёх лет назад в последней командировке в бесконечно раздраемую войной африканскую страну. Российский грузовой самолёт с экипажем был захвачен одной из местных группировок. Секретная операция по освобождению лётчиков провалилась, в результате чего вся группа из восьми человек, в составе которой числился Карпелин, пропала без вести и через полгода была признана погибшей. Спустя длительное время российской стороне был выдан сильно исхудавший, заросший волосами и бородой человек, проживший в затерянной в африканских джунглях деревушке более года. На теле человека было три следа от заросших пулевых ранений, в левой задней стороне черепа затянувшаяся осколочная рана. По словам местного жителя его, умирающего нашли в джунглях, без сознания, залитого кровью, голого со следами побоев. Беднягу отнесли в сарай для скота, где, практически не имея надежды на успех, местные колдуны своими неведомыми способами пытались вернуть в тело жизнь.

В результате окуриваний, мазей, заклинаний и прочей обрядово-антинаучной практики человека удалось спасти. К концу года он уже мог передвигаться и что-то бормотать на своей непонятной аборигенам речи.

Случайным образом весть о вернувшемся с того света белом человеке дошла до представителя российских вооружённых сил, которые и опознали в нём лейтенанта Карпелина.

По возвращении на Родину, где над ним год колдовали уже официальные кудесники медицины, Константин Карпелин обрёл прежний человеческий облик и потерял последние остатки разума. Врачи постановили, что безумие лейтенанта стало следствием сильной контузии, да и вообще осколочное ранение в голову мало кому когда способствовало в укреплении здравия. Так, как родственников у Карпелина не было, агрессии пациент не проявлял даже в малой степени, учитывая его немалые заслуги перед Отечеством, командование приняло решение определить бывшего лейтенанта в старофоминский психиатрический пансионат на полное довольствие без надежд на излечение.

– Итого, мы имеем следующую картину, – Хрулёв неспешно ходил по кабинету от окна к двери и обратно, неторопливо рассуждая сам с собой, – больной высказывает бредовые идеи о том, что он уже давно умер, при этом находится в данном теле для исполнения конкретной миссии, однако способен ассоциировать обе личности внутри единого тела с неустановленными паттернами восприятия. Практически классическое диссоциативное расстройство идентичности с неопределённым рекуррентным захватом поведения; индивид не способен вспомнить важную персональную информацию, вместе с этим явное наличие тематического религиозного бреда. Состояние характерно для пациентов с эндогенной депрессией психотического уровня или шизофренией. Уровень агрессии чрезвычайно низок, фактор подавления не установлен. Препараты не применяются. Однако интересненько... свежо и незаезженно!

Хрулёв распахнул окно, освобождая кабинет из плена табачного тумана, подошёл к шкафу с книгами, открыл одну из них, и несколько минут что-то читал, многозначительно жестикулируя указательным пальцем. Захлопнув книгу, он покинул кабинет.

Нестор искал подходы к Костику (почему-то он сразу для себя стал называть Карпелина именно так) уже вторую неделю. На прямой контакт пациент не шёл; при любой попытке втянуть его в разговор с отрешённым взглядом взирал сквозь собеседника, при этом лицо выражало абсолютное спокойствие и даже детскую наивность. Глаза Костика отличались какой-то необъяснимой глубиной, не свойственной лицам с изменённым рассудком. Хрулёв не раз отмечал про себя наличие во взгляде молчаливого пациента какой-то благородной тоски, свойственной людям сильно преклонных лет. От Костика исходила волна открытости, теплоты и необъяснимого обаяния, что замечал каждый работник пансионата, а пациенты почему-то считали должным, пройдя мимо, как бы невзначай прикоснуться либо к его плечу, либо к локтю. Любимым занятием Костика было сидеть на лавке возле ближайшей могилы на местном дворе-кладбище и смотреть в сторону уходящих вдаль ровных рядов деревянных крестов. Его походка отличалась не сильно акцентированной старческой медлительностью, а в движениях читалась некоторая неуверенность, подобная неуверенности ребёнка, недавно вставшего на ноги.

Никаких специальных препаратов ему не назначили, он просто следовал расписанию заведения, был всегда на виду и молчал. Лишь изредка, прикрыв глаза, Костик бормотал что-то еле различимое, и это что-то было религиозной направленности. Бубнил Костик только когда был в одиночестве. Он послушно следовал командам персонала, понимал всё, что они ему говорили, но не отвечал ни на один вопрос и вообще не проявлял признаков желания коммуницировать. К концу второй недели жильцы окончательно приняли молчаливого пациента за своего, персонал привык к миролюбивому спокойному подопечному, а сам Костик не выражал ни каких признаков малейшего дискомфорта.

Неприступная закрытость нового пациента Хрулёва не сказать, чтобы изводила, но постоянно не давала забыть о себе. Кроме рабочего процесса, раскусить психику каждого нового прибывшего – было делом чести Нестора как врача и трепетным интересом как учёного. В деле Костика Хрулёв ежедневно топтался на месте, и в его научном журнале-дневнике ниже Ф. И. О. нового пациента простиралось по-прежнему не запачканное чернилами поле...

Всё изменилось внезапно. На очередном утреннем круге пробежки Нестор заметил новый круг с крестом внутри, выложен он был из таких же кусков угля, с той же ориентацией и размерами как и прежний. Вчера вечером круга ещё не было; после отбоя моросил сумрачный дождик, когда Нестор проходил мимо, возвращаясь от кладовщика Захарыча.

Позавтракав, доктор первым делом пошёл к Костику. Он застал его на излюбленном месте – лавке возле первого ряда могил.

– День добрый, Костик, – учтиво зашёл доктор, – не против, если покурю рядом с тобой? Уж больно место тут спокойное, душа радуется!

Костик повернул голову в сторону говорящего и, не отвечая, вернул взгляду прежнее направление.

Присев рядом и, потягивая сигарету, Хрулёв, подобрав под ногами сухую еловую ветку, начал водить ею по земле. После окончания процесса, Нестор попросил Костика обернуться. Тот послушно выполнил просьбу и его глаза впились в нарисованный доктором круг с крестом внутри. Профессиональный взгляд Хрулёва быстро уловил волнение, которое пытался подавить в себе Карпелин, увидев символы; он резко отвернулся и сильнее сжал руки у груди.

Хрулёв молча минут пять докуривал сигарету, после встал, затушил окурки и, бросив его в урну, направился в сторону основного здания. Не успев сделать и пары шагов, он отчётливо услышал за спиной:

– Осьми десяткам и паре кругам на нет сходить, для роста его в меру полную...

Нестор резко обернулся. Костик, присев на корточки рукой стирал нарисованные Хрулёвым знаки. Доктор с улыбкой отвернулся и продолжил шаг.

Провокация сработала и весь оставшийся день Нестор пытался понять смысл сказанного Костиком. Понятно, что фраза несла какой-то религиозный смысл, но прямой поиск в поисковике не дал никаких результатов. Вспомнив, что в деле Карпелина было упомянуто о попытках пациента убедить врачей в том, что зовут его Исалий, доктор начал гуглить указанное имя. Поиск не выдал ничего и несолоно хлебавши, Хрулёв закрыл ноутбук и уснул.

С утра моросил дождь, одинокий мотылёк всё так же бился в стекло, не сумев за ночь покинуть комнату в распахнутую форточку, как не покинуло голову Нестора раздумье о вчерашней фразе Костика. Второй месяц профессиональное самолюбие Хрулёва было уязвлено отсутствием даже малейших подвижек в деле раскрытия психического недуга крайнего пациента.

К обеду июньское солнце иссушило все следы утренней непогоды и жители пансионата неторопливыми тушками высыпали на прогулку. Костика Нестор застал на своём месте.

– А сколько кругов сошло, Исалий? – неожиданно для Костика спросил Хрулёв.

– Двенадцать. – мгновенно, не шелохнувшись ответил тот, поразив Нестора резким всплеском общительности.

– Последние два там возле кучи угля? – тут же попытался раздуть тлеющий уголёк беседы Нестор.

– Два знака было. – всё так же, не поворачиваясь, ответил Костик.

– А мой знак вчера зачем стёр?

– Предтеча десницей своею рождает, иные же знаки бесплодны без воли их! – пробурчал Костик, монотонно растягивая слова.

– Кого их?

– Духов – спокойно ответил Костик.

– А когда восемьдесят два круга сойдёт, что будет, Исалий? И в чём твоя роль? – с явной увлечённостью спросил Нестор.

– Сам я – только Предтеча, – неспешно заговорил Костик, – Их же должны узреть гласом моим всякие, надежду теплящие в свершении обещанного!

В этот момент в халате доктора завибрировал служебный телефон и, с сожалением прервав Костика, извинившись перед ним, Нестор удалился исполнять свои повседневные профессиональные дела.

Глава 4

С нетерпением Нестор дождался свободного часа следующего дня и поспешил на лавку к Костику.

– Исалий, приветствую! – доставая сигарету, произнёс доктор.

Тот покосился в его сторону и не издал ни звука.

– Я вот со вчерашнего нашего разговора хожу и думаю, – в лоб начал Хрулёв, – Что побудило тебя после почти трёх месяцев молчания начать разговор со мной? На сколько я знаю – ни с кем другим в этом заведении ты не контактируешь!

– Ваше удивление понятно, – спокойно ответил Костик, продолжая смотреть в одну точку, его голос был еле различим в шелесте листвы близстоящих деревьев, при этом он почти не шевелил губами, отчего издали казалось, что доктор общается с молчащим пациентом а режиме монолога. – За эти три месяца здесь меня ни разу не пичкали препаратами, за назначение которых отвечаете вы. Вы быстро смекнули кто автор знаков и производите впечатление человека, который предпочитает изучать, а не отрицать. К тому же у меня есть к вам свои интересы, но об этом позже... если так будет угодно.

Хрулёва поразила лаконичность построения фраз и порадовала степень адекватности говорящего.

– Позволишь вернуться к знакам? – вопросительно выпалил Нестор, – А почему именно крест в круге, да ещё и напрягаться, выкладывая их... и как часто ты их выкладываешь, есть какая-то закономерность?

– Это началось в Африке, – последовал ответ, – открыл глаза – передо мной горящий круг с крестом внутри. Боль, гул в голове, голоса..., – Костик пронзительно посмотрел в глаза Хрулёву и в этом взгляде Нестор увидел совсем иного человека; казалось, глазами молодого мужчины на него смотрит преклонный старец, с первыми следами старческого безумия.

– Я инвалид, общество считает меня душевно больным, а потому я могу позволить себе быть с вами откровенным! Я не знаю кем был человек, которому принадлежало это тело, мне трудно говорить, периодически пропадают зрение и слух, от погоды раны ноют до потери сознания, часто я перестаю понимать кто я и где... у меня мало времени и я просто обязан исполнить Миссию.

Костик отвернулся.

Хрулёв заинтриговано бросил окурок:

– И в чём твоя миссия?

– Я Предтеча, мне необходимо сообщить миру о скором прибытии Сына Божьего.

– Вот оно как, – задумчиво промолвил Хрулёв. – А почему Исалий?

– Не знаю, но голос внутри меня говорит, что это моё имя.

– И как часто этот голос появляется у тебя в голове? – Хрулёв перешёл на стандартную процедуру идентификации расстройства личности, – Кому он принадлежит?

– Не знаю, – Костик отвечал как на духу, – но я знаю, то, о чём пока не знает никто.

– А что ты знаешь? – продолжил допрос Хрулёв.

– Я Предтеча, – повторил Костик, – и мне нужно сообщить миру о скором прибытии Сына Божьего.

– А придёт он после того, как ты выложишь под сотню кругов с крестами? – уверенно предположил Нестор.

– Да.

– А когда будешь тринадцатый выкладывать? Заешь?

– Нет. Мне приходит видение, я вижу место, где должен выложить круг. Это знак, это отсчёт моего времени.

– То есть за три года голос велел выложить тебе всего дюжину кругов? – подвёл итог Нестор, – Такими темпами остальные семьдесят кругов тебе удастся выложить лет за тридцать.

Доктор засунул руки в карманы халата и, громко выдохнув, посмотрел в небо:

– А что будет, если ты не выложишь знак?

– С каждым днём боли в голове будут усиливаться, – продолжил Костик с оттенком разочарования в голосе, – Уже пробовал, пока не понял, что знаки это подобие контрольных точек и свою Миссию я обязан выполнить.

Вечер складывался самым чудесным образом. Хрулёву сообщили о повышении жалования, не на много, но этот факт в купе с доставленной посылкой от родителей, которые, перебравшись в Сочи, в сезон фруктов щедро одаривали ими сына, беспокоя «Почту России», положительным образом отразились на настроении Хрулёва. К тому же в диагностировании душевного недуга Константина Карпелина произошёл перелом, – на картине появились очертания уже проявляющегося сюжета, очередной пазл обретал реальную надежду на сложение.

Как человек социальный Нестор Хрулёв был добр, отзывчив, позитивен и обладал полным пакетом качеств, по которым общество классифицирует своего члена как порядочного гражданина. На работе Нестора ценили как специалиста и уважали как фаната своего дела. Общительный, с тонким молниеносным чувством юмора, дипломатичный, и всегда чувствующий меру дозволенности Хрулёв отлично вписывался в коллектив работников пансионата.

Однако, с точки зрения личности, особенно в плане мировоззрения, Хрулёв сильно отличался от остальных. При первом общении с новым человеком мозг Нестора автоматически заполнял пункты психологической таблицы, классифицируя последнего и помещая в определённый разряд. Уже через десять минут знакомства, по жестам, мимике, построению предложений, манере говорить, реагировать, по иным еле заметным знакам Хрулёв делал выводы, на основании которых закладывалась основа дальнейшего общения с данным человеком. Не удивительно, что люди превратились для талантливого психиатра в объекты манипуляций.

Манипулировал Нестор очень тонко и с завидным изяществом. Реакции и чувства людей Нестор давно для себя разложил по полочкам, в которых без труда находились объяснения, а порой и предчувствия конкретных поступков конкретного человека. Хрулёв не верил в любовь и легко объяснял это состояние с медицинской точки зрения. Он легко вступал в доверительные отношения, умея их поддерживать и подогревать в нужных случаях, но никогда не позволял себе открываться перед человеком более целесообразного предела. Тем не менее, даже в этой лесной глуши, среди двух десятков единиц персонала у Нестора были и вполне хорошие приятели, и собеседники, и Тамара, с которой у них была тёплая дружба и иногда горячая интимная связь.

Медсестра Тамара уже полтора года трудилась в пансионате, в котором её удерживала только одна причина – забота о дедушке – восьмидесяти пятилетнем боевом генерале, уважаемом человеке в масштабах страны и рухнувшим в маразм беспомощным стариком в рамках пансионата. На сколько было известно Нестору, генерал, окончательно прощаясь с разумом, оставил внучке просторную квартиру – сталинку в столице, то ли с четырьмя, то ли с пятью комнатами, но с условием заботы о нём со стороны внучки до его кончины. Тамара понимала всю перспективу щедрости деда, а потому честно выполняла условия наследования. При этом, являясь штатной медсестрой, она с усердием заботилась и о других, вверенных ей постояльцах. К тому же астма, от которой никак не могла избавиться Тамара, практически не беспокоила её в окружении богатства природной здравницы. Девушка была весьма симпатична, аппетитно стройна; как сказал о её возрасте местный балагур сторож Матвейч – «ещё свежа, уже не дура». Тамаре, жгучей шатенке с прямыми волосами до лопаток, ростом за метр семьдесят и третьим

размером бюста было двадцать семь с половиной лет и глубоко фиолетово до банальных подкатов местных особей мужского пола. С Хрулёвым их объединяли сходство характеров, общение и совместная поездка в Таиланд годом ранее. К тому же, Нестор в свои за сорок имел вид максимум лет на тридцать семь, был подтянут, упруг и приятен внешностью. А учитывая сферу деятельности Хрулёва и прошлое ловеласа, у Тамары просто не оставалось ни малейших шансов миновать сферу его гендерных интересов в столь узком диапазоне мужчин в радиусе доступности.

Иногда Хрулёв и Тамара выезжали в ближайший районный центр поужинать в ресторане, обновить гардероб, а ближайшей зимой планировали отдых в Малайзии. Не планировали они объявлять себя парой и иметь совместное будущее. Романтичными их отношения назвать было нельзя, скорее они отличались практичностью и целесообразностью, в рамках сложившихся обстоятельств. Работники пансионата знали об их встречах, но так, как оба были ответственны и уважаемы – ничего против не имели, подтверждая это отсутствием слухов в адрес «тайной» парочки.

Казалось, жизнь в таком её раскладе полностью устраивала Нестора, но врождённый максимализм, проявившийся ещё в годы юности, всегда вносил некий дисбаланс в качественно отстроенный механизм его жизни на протяжении всех её периодов. На данном этапе Нестора обременяло чувство нереализованности его профессионального таланта. Ему хотелось чего-то большего, масштабного и сложно достижимого, а если говорить честно – подсильного только ему. Научная работа в пансионате занимала практически полностью всё его время, внимание и интерес, но увы, не разум. Всё чаще, засыпая, Нестор погружался в размышления о своём месте в этом мире, о своём предназначении, ибо был уверен, что каждый человек рождается со способностями, которые не свойственны другим и реализация этих персональных способностей должна проходить основной канвой в жизни каждого. Неизменно было одно – Нестор засыпал, так и не ответив на самому себе поставленные вопросы, чтобы следующим вечером вновь предаться ставшему уже ритуальным безответному самокопанию.

Утро четверга встретило Нестора ослепительным солнцем, жужжанием сварочного аппарата у главных ворот и тремя новыми кругами с крестами в районе кочегарки. Пробегая мимо, Хрулёв отметил про себя, что три круга за ночь это многовато и, решив обсудить это сегодня же с Костиком, исчез за углом.

Глава 5

– Доброго дня, Исалий! – Хрулёв как всегда неожиданно подошёл к Костику, – Голос приказал выложить ещё три круга?

Костик не шелохнулся, но произнёс:

– Да. Что то произойдёт.

Тут Нестор заметил, что пальцы и ладони у Костика на обеих руках вымазанные углём ободраны местами до крови.

– Вот скажи мне, Константин, как мне, доктору, призванному поддерживать твоё здоровье реагировать на то, что ты по ночам, стирая руки в кровь, строишь фигуры из камней, вместо того, чтобы спать как остальные жители нашей чудесной обители? – Нестор подошёл ближе, чтобы видеть профиль лица Костика, – Никто кроме меня пока не догадывается чьих рук дело эти круги и я даже не спрашиваю тебя как ты покидаешь здание по ночам, хотя это категорически запрещено, но ответь мне как я должен реагировать на это и как долго это будет продолжаться?

Пауза висела около минуты, прежде чем зазвучал голос Костика:

– Что-то произойдёт с вами, со мной...

– Если это не прекратится, Исалий, я буду вынужден назначить тебе препараты, перебил его Нестор, тоном матери в отношении малолетнего капризного ребёнка, – Пойми, – включил психолога доктор – я понимаю тебя, принимаю таким, какой ты есть, я желаю только одного – чтобы тебе здесь было хорошо и спокойно. Выкладывай свои круги, но не калечь себя при этом и не по ночам, а днём; поверь, тут никто не станет тебе мешать! Я уважаю тебя как человека, как личность и не хочу общения с тобой в формате доктор-пациент! Ты не болен, ты просто иной, как и большинство проживающих здесь. Более того – ты нормальнее большинства, кто там, в городах считает себя в здравом уме!

Костик повернул голову и посмотрел в глаза Нестора всё тем же измождённым пронизывающим взглядом старца:

– Это не зависит от меня и не зависит от вас. Поймите, – и меня и вас выбрали!

Костик замолчал, чем и воспользовался доктор.

– Ну то, что тебя выбрали мы уже выяснили, а позволь поинтересоваться кто и зачем выбрал меня? – в Несторе проснулось искреннее любопытство.

– Был знак... вы станете моим Проводником! – казалось, ожидая заданного вопроса, тут же ответил Костик.

– Интересно! – Хрулёв неспешно прошёл вдоль лавки и вернулся назад, – Ты Предтеча, кого или чего я пока не понимаю, ибо уж извини, к религии отношусь скептически, а я твой Проводник?... И куда я тебя поведу, если мы ограничены на трёх гектарах четырьмя стенами непреодолимых заборов?

– Всё изменится, уже скоро... Мы уйдём и поведёте меня вы. – спокойно произнёс Костик.

– Подумай, о том, что я тебе сказал, Исалий, – подвёл итог разговору доктор и, пожелав здравия, удалился.

До конца оставшегося дня он постоянно вспоминал последние слова Костика. После ужина Нестор открыл ноутбук и набрал в поисковике «предтеча», уточнив для себя значение этого слова.

Знатоком христианства или иной религии Нестор не был, более того, отношение к религиям у него были особые, мягко скажем неодобрительные. В целом он не отрицал и даже верил в то, что после физической смерти духовная сущность, не прекращая существования, просто

переходит в иное измерение, где продолжает свой путь. Он не сомневался в том, что за все негативные поступки в этой телесной жизни сущности там придётся держать ответ. Он даже допускал существование Бога как некое подобие центра управления всем этим телесно-сущностным хозяйством, заставляющим весь огромный механизм жизни исправно функционировать. К вере в Бога как человек Нестор относился спокойно, считая это сугубо личным делом каждого, но как психиатр и учёный он считал веру в Бога всего лишь природной опцией человеческого мозга.

В реальных беседах на подобные темы Нестор отстаивал свою точку зрения убедительным примером ограниченности человеческого восприятия, а именно просил собеседника представить себе бесконечность вселенной, хотя бы на пару минут. Собеседник закрывал глаза и молча представлял, но через минуту-полторы с удивлением описывал свои странные ощущения как «мой мозг упёрся в стену и сам переключился на другие мысли». И все, кто пробовал представить бесконечность вселенной, описывали примерно то же самое – мозг, в конце концов, отказывался обрабатывать этот процесс. Далее Нестор приводил ещё пару примеров с обманом зрительного восприятия, убеждая собеседника в реальных и достаточно узких границах возможностей человеческого разума. В финале Хрулёв уже как психолог объяснял реакцию человеческой личности на жизненные и природные процессы, которые человек изменить не в силах, то, что психика человека уязвима и в критические моменты своего бессилия норовит спрятаться в некий защитный «домик», тем самым оправдать свою беспомощность. А чем может оправдать своё бессилие слабый человек? Естественно наличием воли в происходящем более сильного разума, тягаться с которым бесполезно и лучше принять реальность, смирившись с ней. Так мозг успокаивает сам себя, не давая обладателю перейти личностную деструктивную черту. Как раз опция Бога по мнению Хрулёва и является неким предохранителем для разума человека.

С религиями у него всё было ещё проще – все религии придуманы людьми, а люди, как показывает история, ничего просто так без выгоды не делают. Допустим, рассуждал ещё в спорах юности Нестор, есть общество и «кто-то» захотел заставить всех следовать в одном нужном этому «кому-то» направлении. В массы забрасывается идея, которая сперва ими отвергается, затем на протяжении какого-то времени впрыскиваются некие подтверждения идеи, и вот уже идея имеет спокойное восприятие внутри общества. Подкидывая информационные поводы, уже в следующем поколении общество принимает идею как что-то естественное... И вот уже религия определяет сознание, а соответственно образ мысли и уклад жизни конкретного общества. Получается, что «кто-то» написал законы для общества и приучил его исполнять их. В итоге – наглядная манипуляция общественным сознанием.

Взяв за аксиому, что Бог един, гипотетический «кто-то», руководствуясь исторически отработанной концепцией «разделяй и властвуй» создаёт несколько религий. В итоге планету сотрясают нескончаемые религиозные войны, где каждое религиозное общество утверждает, что именно их религия, как никакая другая призывает к миру, любви и добру, но при этом люди с нарастающим маниакальным остервенением истребляют друг друга всё более изощённо и в большем количестве.

Современный мир внёс серьёзные изменения, оттеснив основополагающую роль религий до ничтожной в процессе манипуляции обществом. В прежние времена храмы, синагоги, соборы, мечети были местом сбора населения, где помимо отправления религиозных дел распространялись последние новости, доносились указы и осуществлялась массовая коммуникация. Сегодня средства массовой информации пришли в каждый дом, в каждый разум. Не нужно никуда ходить, всё разжёвывается и вкладывается дозированными порциями прямо в мозг. Технология насаждения религий насилем сменилась технологией вскармливания личности информационными закладками. «Кто-то» за века поднаторел в деле манипуляции созна-

нием и, казалось бы, общество развивается, технически упрощая себе жизнь, а жить человеку-личности, как ни странно, становится всё тяжелее...

Нестор искренне считал, что для того, чтобы быть хорошим человеком не нужны никакие религии, нужно всего лишь жить, придерживаясь одного правила – делай что хочешь, живи как хочешь, если это не вредит другому. Как манипулятор личности, Хрулёв понимал и принимал правила игры манипуляторов обществом, считая их более высокими профессионалами, а потому относился к массовой информации, льющейся ежесекундно из СМИ просто афишей, за которой без шума и огласки глобальными кукловодами вершатся серьёзные дела.

Хрулёв не любил участие в политических спорах, когда один, судящий по вливаемому ему в уши вранью, спорит с другим, таким же не имеющим реального представления о положении дел оппонентом. В таких словесных баталиях он с удовольствием наблюдал за постепенным неминуемым накалом эмоционального фона, в котором каждый с умным видом отстаивал свою правоту, топя друг друга в потоках псевдо аргументов и своей слюны.

Глава 6

Молодой Пол МакКартни, проснувшись утром, напел приснившуюся ему во сне мелодию будущего шедевра Yesterday, Дмитрий Менделеев зарисовал по утрам увиденную во сне периодическую таблицу химических элементов, Нильс Бор во время сна путешествовал по структуре атома, строение которого и задокументировал, проснувшись. Нестору Хрулёву во сне явилась Идея.

Первым словом, вернувшегося из мира сна доктора, с учётом цензуры стало «офигеть». До того, как испугаться общественной масштабности и грандиозной трудности воплощения подаренной сном Идеи, Хрулёв осознал, что это именно то, чего он так долго ждал и именно это способно изменить его жизнь коренным образом. Утренняя пробежка была забыта, Нестор не побрившись позавтракал и весь рабочий день был замкнут и малословен. Кто-то из персонала даже поинтересовался, всё ли у него в порядке и не случилось ли чего.

Последующие несколько дней мозг психиатра терзала дилемма, от решения которой зависело отважится ли он на попытку воплощения Идеи, или откажется от неё раз и окончательно. Дилемма носила нравственный характер и требовала от Нестора попраiania своих моральных принципов, в незыблемости которых он прежде не сомневался...

Субботним утром на повидавшем виды служебном УАЗике Нестор со сторожем Матвейчем, бодрым духом и телом приземистом мужичке лет шестидесяти с покладистой купеческой бородой отправился в райцентр. Матвейч ехал к семье с которой всю жизнь прожил в этом населённом пункте, а Хрулёв забрать очередную посылку с любимым абрикосовым вареньем от родителей, купить кое-какие необходимые личные вещи, включая новые кроссовки для пробежек и сменные лезвия для бритвы. Нестор раз в месяц совершал такие заезды с Матвейчем, где на протяжении всего пути искусный собеседник-психиатр и жизнерадостный весельчак Матвейч вели незатейливые беседы под тряску и скрип протёртых сидений и клопочущий гул старого движка.

Минуте на пятой пути, когда просёлочная дорога завернула за первый лесок, Матвейч, крутя баранку, как обычно с лукавой улыбкой произнёс:

– Кому молчишь, Георгиеч? Али случилось чего? – и не дождавшись ответа, продолжил, – Давай выкладывай о чём думку гадаешь!

– Да не, Матвейч, – отшучивался было Нестор – Всё в норме, просто последнее время не весело как то, хотя и грустить вроде бы поводов нет!

– Ну такое бывает, вот я иногда, – подхватил Матвейч, встану утром с кровати – петь охота, вот как хорошо, а жена из дому позвонит, ляпнет что нить – и от настроения моего бодрого только пыль и осталась! Бабы они такие, и в небеса тебя поднимут и оземь ударят, да так что... Матвейч покосился на Нестора, – С Тamarкой что ли поцапались? Ну так это нормально, это и есть семейная жизнь!

Вопрос о Тамаре пролетел мимо.

– Ты вот что мне скажи, Матвейч, – Хрулёв, сделал паузу и серьёзно посмотрел на водителя, – Вот если тебе очень хочется что то сделать, что по сути не принесёт никакого вреда другим, хотя изначально ты знаешь, что делаешь некрасиво и вступаешь в конфликт со своею совестью, но сделать очень хочется... сделаешь?

– Мудрёно излагаешь, Георгиеч, – не отрываясь от извилистой дороги ответил Матвейч, – Не ходи ты вокруг, да около, выкладывай как есть и я тебе как есть отвечу!

Хрулёв осторожно двумя пальцами зажал бившегося на лобовом стекле шмеля и выбросил в открытое боковое окно.

– Вот ты веришь во второе пришествие Христа? – неожиданно спросил Нестор.

– Конечно верю! – уверенно ответил тот, – На то и надеюсь, что спустится он снова к нам, да порядок наведёт, а то столько за последние лет триста несправедливости мы натворили, в таких грехах измарались, что ни какой небесной химчисткой наши души не отмоешь! А то, что сойдёт он до нас и свой суд справедливый устроит, так ни сколько не сомневаюсь! Как там в писании сказано: *«Не все умрут, но изменятся все в мгновение ока и мёртвые воскреснут нетленными, а мы изменимся, ибо тленному суждено облечься в нетление, и смертному – в бессмертие»!* – Матвейч искоса посмотрел на собеседника, предвосхищая удивление одного услышанной цитатой!

– Тебе бы не в сторожа, а в батюшки! – охотно подыграл Нестор, – И борода и речи при тебе, рясу вот купим сегодня...

Тут оба засмеялись и мотор, поддерживая сплочённое ликование, громко чихнув на прощание, заглох.

...Солнце набирало силу, приближаясь к полудню, желто-зеленый ковёр ровно простираясь вдаль, пыльная просёлочная дорога с замершим на ней УАЗиком вихляющим шрамом сомневающегося хирурга резала поле на две части. Из под открытого капота доносился шкворчащий звук выкипающего радиатора, сдобренный бесхитростной бранью Матвейча.

– А я уже который год прошу поменять этого динозавра! Он же вымер уже лет как десять назад!

Минут десять сидели молча, ожидая когда радиатор остыне. Хрулёв задумчиво смотрел вдаль, Матвейч смотрел туда же, но в противоположную сторону. До асфальтированной трассы им оставалось пять километров.

– Матвейч, нарушил душную тишину Хрулёв, – скажи, вот если бы сейчас появился человек наподобие Иоанна Крестителя, который бы разносил весть о скором явлении Христа, и сказал бы тебе, что второе пришествие уже скоро... ты бы ему поверил?

– Неа, не поверил! Не те времена сейчас, чтобы кому-то, кого лично не знаешь верить! – Матвейч, распластанный на сидении сдвинул кепку, закрыв глаза и нос, – Включишь телевизор – там все говорят, обещают, убеждают, а дальше говорильни дела не идут... как говорил Господь – воздавай каждому по делам его! Нет дела – нет и веры словам!

Вскоре Матвейч залил в радиатор воды, повернул ключ в замке зажигания, под капотом раздался скрежет, и заклокотавший движок медленно потащил динозавра отечественного автопрома через поле.

В пансионат Матвейч и Хрулёв возвратились к вечеру. Первый повидал семью, отвезя жене получку и кое-какое барахло, по-видимому ещё стоящее на балансе пансионата, второй же сделал все дела, которые планировал за поездку. Хрулёв принял душ и с парой бутылок пива направился к Тамаре.

Потягивая каждый свою бутылку, он и она сидели на лавке, под ветвями ели и прощальными бликами упавшего за горизонт солнца. Оба курили. Клубящиеся дымки сигарет переплетались над их головами самыми причудливыми образами, олицетворяя собой бесконечное многообразие комбинаций жизненного калейдоскопа.

Хрулёв закончил краткий рассказ Идеи Тамаре и поинтересовался её мнением. Мнение было хорошим. Секс был отличным.

Глава 7

Август последними утекающими днями плавно переливался в осень. Наглая жара переходила в благородный комфорт сентября лёгким хрустом первой опавшей листвы под ногами. За прошедшие полтора месяца Хрулёв сумел договориться со своей Совестью. Переговоры были долгими, жёсткими и мучительными. Порою с пропавшим сном, местами с гранью отчаяния.

Неотъемлемой частью реализации Идеи был массовый обман населения и родителем этого обмана должен был стать человек, взиравший на Нестора из зеркала. Ответственность за столь масштабную ложь, даже ещё не свершившуюся, уже тяготила тонко организованную душу Хрулёва. Однако, время и способность человека к самоубеждению всё – таки сумели свести практически на нет несмолкающие душевные терзания. Нестор прочувствовал грандиозность и масштаб мероприятия, а так же уникальность подобного жизненного шанса. В свои сорок два он чётко понимал – это его лебединая песня и больше Судьба не предложит ему подобной возможности. Хрулёв осознавал – на карту будут поставлены его профессионализм врача, репутация учёного и имя человека. К тому же, мероприятию предстояло посвятить все свои силы и время.

Нестор долго и аргументированно вёл переговоры с Совестью, раунд за раундом приводя всё более весомы аргументы и обоснования посвящения себя Идее. И теперь, полностью избавившись от внутреннего дискомфорта, он приступил к осмысленной проработке подробного плана действий. Из отдельных маленьких и невероятно хрупких кирпичиков замешанных на психологии, религии, чувствах, манипуляциях, расчёте и материально-временных затратах, Нестору Хрулёву, увлечённому своей профессией учёному и человеку предстояло возвести стену, на которой его имя будет вписано размашистыми буквами Поступка в скрижали истории психиатрии.

За пролетевшие полтора летних месяца Нестор наладил тёплые, почти дружеские отношения с Костиком. Появились доверие и девять новых кругов. Персонал пансионата качественно выполнял свои обязанности, пациенты не менее качественно шли к своим индивидуальным хэппи-эндам, а потому до кругов возле кочегарки никому не было никакого дела.

Кроме служебного телефона, зажигалки и пачки сигарет в карманах докторского халата теперь прописались ручка и блокнот, в который Нестор записывал свои мысли по поводу реализации Идеи, озарявшие его разум, зачастую, в самые неподходящие моменты. Просыпаясь и засыпая, доктор обдумывал варианты, отвергал и принимал версии, понимая, что права на ошибку у него нет. Иногда сны подбрасывали какие-то образы, сюжеты с религиозной основой; Нестор, проснувшись, отыскивал объяснения в интернете, а когда найти ничего не получалось – просто фиксировал увиденное во сне синопсисом.

Двенадцатого ноября основной план реализации Идеи был готов. Он поместился бы в три листа формата А4 печатного текста и не уложился бы в разуме среднестатистического обывателя. К счастью, миром движут не они. Самые большие и яркие шаги в истории человечества делались маленькими и неприметными людьми, смотрящими на мир ненормальным с общественной точки зрения взглядом. Эти люди стояли за годами трудов научных открытий, за интригами, приводящими к мировым войнам, за тайными финансовыми сговорами и махинациями в пыльных кабинетах, трясущие своими последствиями всю планету. Всё, что обычному отформатированному эпохой человеку кажется недостижимой фантастикой или глупостью, у одного, максимум двух процентов людей вызывает искреннюю заинтересованность, и лишь десятки из этих, загоревшихся идеей, способны ринуться в воплощение задуманного.

Воплотить задуманное Хрулёв не мог и это он понимал с самого начала. Чтобы раскрутить, например, безголосую певицу олигарху отцу потребовался миллион долларов и все наработанные десятками лет связи. У Хрулёва не было ни миллиона долларов, ни связей. Была лишь Идея, нокаутирующе дерзкая, цинично смелая, бредовая по сути и продуманная по воплощению.

Изучение личности сегодняшнего Костика-Исалия занимало основную часть нынешних интересов Нестора. Этот пациент незаметно сам собой стал для него номером один в жизни. Естественно, доктор своими действиями этого не показывал, и в паре часов ежедневных неутомительных бесед выуживал рыбку из самой глубины сознания главного героя его предстоящего опыта.

Сначала с любопытством, а теперь уже с ощутимо нарастающим прикладным интересом Хрулёв изучал главы Нового Завета, касающиеся второго пришествия Христа. Конечно, ни человек, ни психиатр в Хрулёве не верили в реальность прочитанного, но память предусмотрительно откладывала в подсознание потенциально нужную информацию, сплетая отдельные элементы в звенья, составляющие витиеватую цепь психологического аспекта воплощения Идеи.

Как и в любом стартапе перед Хрулёвым встал главный вопрос – где взять деньги. Предстояло раскрутить не певицу и даже не новый бренд, что даже дороже. Проект Хрулёва превосходил вышеупомянутые «аналоги» по масштабности минимум на порядок и представлял собой, по крайней мере за последние лет сто, никем ранее нехоженую тропу в буреломе российского медиапространства.

Денежную часть Хрулёв гипотетически мог возложить только на знакомого пока только со слов Дарика московского олигарха. Понимая, что коммерческие и иные предложения новых проектов такие люди получают часто, Нестор заморочился составлением текста письма, прочитав которое у гипотетического спонсора не возникло бы желания сразу отправить его в компьютерную корзину. В течение недели текст письма был рождён. Каждое слово, последовательность предложений, аргументация, были продуманы с точки зрения психологическо-информационной модели восприятия новой информации, присущей людям высокого, как бы выразились некоторые, ранга. Хрулёв профессионально просчитывал людей, и несколько раз в жизни ему приходилось общаться с птицами заоблачных высот.

Перед сном и при пробуждении Нестор несколько дней перечитывал листок с распечатанным на нём письмом – предложением, пока, наконец, не удовлетворился точностью подобранных слов.

Через несколько дней, после звонка Дарику по поводу контактной и прочей информации по олигарху, Хрулёв получил ответный звонок. Дарик продиктовал интересующий адрес электронной почты и имя финансового воротилы. Остальное Нестору рассказал поисковик.

Олигархом Михаил Самуилович Лейкин вышел из девяностых. В свои шестьдесят восемь лет он обладал, по заверению гугла, совокупным состоянием в полтора — два миллиарда долларов. В приносящей доход официальной собственности Лейкина числились три нефтеперерабатывающих предприятия в Сибири, вольфрамовый завод на Урале и промышленный бизнес в Японском и Охотском морях. Всё остальное типа дач, вилл, яхт, автопарка – соответствовало стандартному набору олигарха средней руки. У Лейкина было два сына от разных браков, которые вели каждый свой бизнес где то за рубежом.

Особый интерес для Хрулёва представляли увлечения Лейкина и его индивидуальные личностные особенности. Выяснилось, что в разное время Лейкин увлекался живописью и выступал в роли мецената, вкладывался в разработку омолаживающих лекарств, содержал скульптурную мастерскую, результаты деятельности которой можно наблюдать в парках и скве-

рах нескольких крупных российских городов и поныне, активно вносил пожертвования в организации экстремальных путешествий и сам однажды погрузился в батискафе на глубину три тысячи метров. Кроме того, было ещё несколько довольно смелых, но не выстреливших проекта, где Лейкин так же финансово наследил. Как человек он любил охоту и баварское пиво, которое ему регулярно доставлялось из лучших пивоварен Германии. Личность Лейкина отличали авантюризм, решимость, финансовое чутьё и наличие стальной деловой хватки.

Первое декабря запомнилось Нестору обильным снегопадом и отправленным на электронную почту Лейкина письмом. Письмо начиналось словами «Истории плевать на ваши дела, История возьмёт только ваши поступки...»

Декабрь Хрулёв не любил. Их взаимная любовь как-то изначально не сложилась по жизни: в один из декабрей Нестор сломал ногу, в другой ему первый раз набили морду, в декабре Нестору отказала девушка... Ничего хорошего от этого месяца Хрулёв традиционно не ждал, однако на наступившем декабре уже повисла судьбоносная надежда.

Надежда была уничтожена в одну минуту. Хрулёв доедал обеденный рассольник в столовой пансионата, когда в его кармане завибрировал телефон.

– Слушаю вас.

– Нестор Георгиевич? – поинтересовался мужской голос в трубке.

– Совершенно верно!

– Михаил Самуилович назначает вам личную встречу на восемнадцатое декабря. По прибытию в Москву свяжитесь со мной по этому телефону. Меня зовут Виталий. Захватите с собой загранпаспорт. – в трубке замолчали, давая огорошенному собеседнику пару секунд переварить информацию.

– Что мне передать Михаилу Самуиловичу? – продолжил Виталий.

Сдержав произвольный эмоциональный порыв изменения в голосе, Хрулёв невозмутимо ответил:

– Передайте, Виталий, что я буду восемнадцатого в Москве.

– Тогда до встречи! – голос в трубке превратился в короткие гудки.

...Недоеденный рассольник успел остыть, чай превратился в неаппетитную жижу, а остывшие тефтели потеряли вкус. Нестор, глубоко погружившись в мысли, уже двадцать минут отрешённо пережёвывал сдавшиеся Холоду блюда. До их вкуса ему уже не было никакого дела.

Утро восемнадцатого декабря Нестор Георгиевич Хрулёв встретил лёжа на боковой верхней полке плацкарта. В храпящей спёртости сладковатых вагонных метеоризмов Нестор ощущал вкус свежего воздуха новой весны своей жизни. Вагон резко дёрнулся, у толстой бабы с места напротив с верхней полки рухнул на пол рюкзак, она провинциально выругалась и поезд прибыл в Москву.

Глава 8

У вокзала его уже ждали. Виталий оказался довольно плотно сбитым молодым человеком лет тридцати двух ростом чуть ниже среднего с чёрными смоляными волосами, гладко зализанными гелем к затылку. Одет Виталий был в длинное чёрное пальто с поднятым воротником, ближе к телу был тёмный, скорее светло чёрный костюм, под ним сорочка цвета июльской синевы; ноги Виталий держал в лакированных блестящих туфлях чёрного цвета. На ближе к квадратному лицу с волевым подбородком и сверлящими чёрными глазами прослеживалась лёгкая небритость, видимо предназначенная сделать образ владельца ещё брутальнее. Про себя Хрулёв сразу отметил поразительное сходство внешности встречающего его человека с сицилийским мафиози девяностых Вито Витале, статью о котором не без интереса читал несколько лет назад.

Рукопожатие у Виталия было крепким и долгим, во время которого он смотрел прямо в глаза, оценивая своего визави. Нестор, прекрасно владеющий навыками невербального общения, не отводя взгляда, словами поприветствовал Виталия и тот, чуть отстранившись, молчаливо указал на чёрное авто, припаркованное метрах в пятнадцати.

Декабрьская Москва за тонированным стеклом Ауди А6 около часа вяло проползала перед глазами Хрулёва унылым серым аквариумом, в котором одетые в грязно-серое людирыбы неуклюже перескакивали через такие же грязно-серые лужи, втягивая головы в поднятые воротники, прячась от морозящей сверху промозглой мерзости. Небо было таким же серым. Колёса авто месили мокрую кашу, толкающиеся в пробке водители постоянно сигналили друг другу, а частые светофоры усугубляли и без того унылую картину наблюдаемого Хрулёвым транспортного запора. В этом урбанистическом полотне присутствовал только один приятный мазок – в сиденье с подогревом было уютно и тёплый воздух приятно обдувал ноги, поднимаясь по телу убаюкивающим чувством расслабленности.

– А у нас снег всегда белый, разрядил затянувшееся молчание Нестор. – И солнце всегда видно!

– У нас в Астрахани тоже, но деньги не у вас и у нас, а здесь. – голосом, лишённым эмоций резюмировал Виталий.

За последующие пятнадцать минут тишина внутри салона не нарушалась.

Наблюдая за манерой Виталия управлять автомобилем и его реакцией на беспрерывно создающий аварийные ситуации плотный поток автомобилей, Нестор составлял для себя психологический портрет человека за рулём.

Наконец автомобиль выехал на загородное шоссе и вдоль дорог поплыли частные дома, торчащие разнофигурными линиями крыш из-за высоких глухих заборов, которые в некоторых местах, к удивлению Нестора, возвышались метра на три. Ещё через десять-пятнадцать минут пути дорога свернула в сосновый лес с белым снегом и частыми шлагбаумами, возле которых стояли люди и резво то поднимали, то опускали их. По всему было видно, что автомобиль, в котором Нестора везли к лестнице в новый мир, является постоянной его частью.

Тяжёлые кованые ворота бесшумно разъехались и авто вкатился во двор трёхэтажного особняка в стиле нормандского замка. Крыши укутывал изумительной белизны снег, такой же белый снег лежал и по всему двору, исключая асфальтированный подъезд к парадному крыльцу здания. Выйдя из машины, в нос ударил привычный Нестору воздух хвойного леса.

Хрулёв, взяв чемодан, проследовал за Виталием во въехавшую внутрь стены массивную стеклянную дверь, которая своей прозрачностью в сочетании с прозрачностью всей стены парадного входа создавала необычное ощущение единого неразделимого пространства вне и внутри холла. Интерьер не уступал экстерьеру. Стены холла, площадь которого, на взгляд Нестора, составляла метров семьдесят-восемьдесят, были обильно увешаны картинами, на мраморном полу в центре тёмными переплетёнными латинскими буквами L M S был выложен вензель; вокруг вензеля стояла белая кожаная мебель. Столы возле белых кожаных диванов были выполнены полностью из прозрачного стекла, а массивная люстра с длинными, хрустальными нитями, свисающими практически до центра вензеля, на удивление лаконично завершала картину дизайнерской задумки. Виталий разулся и, надев белые мягкие тапки, рядами сложенные в специальном шкафчике, предложил Нестору последовать его примеру, что тот незамедлительно и сделал.

В глубоком мягком кресле Хрулёву было тепло и уютно. Подошедшая девушка лет тридцати с приятными чертами лица, длинными прямыми волосами и такими же ногами, вежливо поинтересовалась чем она могла бы угостить гостей. Виталий заказал кофе с карамелью и булочки с ежевикой, Хрулёв без выпендрёжа попросил то же самое. Распитие кофе проходило в тишине, если не считать приятное успокаивающее потрескивание дров в камине, Хрулёв осматривал помещение в деталях, профессионально угадывая пристрастия хозяина. Виталий с серьёзным видом что-то листал в своём смартфоне. Минут через пятнадцать, когда кофе был допит, с удовольствием усвоен организмом, пожелавшим теперь отжаться сладостной послетрапезной дремоте, со стороны винтовой мраморной лестницы, уводящей на верхние этажи, послышались звуки шагов. Хрулёв сидел спиной, а потому ассоциативно воспринял приближающиеся шаги как приближение хозяина особняка.

Виталий встал и вышел из за столика навстречу спускающемуся, чем окончательно подтвердил догадки Хрулёва, который, соблюдая этикет, нехотя, но бодро поднялся с кресла, и, выйдя из за столика, развернулся лицом к лестнице.

Человек среднего роста, с угольно чёрными волосами, усиками и бородкой эспаньолкой уже подходил к нему, поднимая руку и протягивая её в сторону Хрулёва. Длинный белый пушистый халат не скрывал бодрую походку, хотя и не спортивного тела, но определённо находящегося в тонусе.

– Михаил! – подойдя к Нестору, отчётливо чуть с хрипотцой лёгкой усталости произнёс Лейкин.

– Нестор! – ответил Хрулёв, не отводя взгляда от чёрных зрачков Лейкина. В этом взгляде, как в резюме сконцентрировалась вся суть этого человека. Взгляд этот можно было описать одной фразой – «живу всерьёз, играю по крупному». Глядя в эти глаза сразу становилось понятно, почему именно это человек стал именно таковым в иерархии окружающего мира.

– Итак, – произнёс Лейкин, погружаясь в кресло и жестом указывая, что и остальным необходимо сесть, – наедине общаемся на равных и на ты, говорим только правду. Все организационные и финансовые вопросы через Витала, вся стратегия – только наши с тобой решения! Ну и, естественно, всё строго конфиденциально.

Лейкин всматривался в глаза Хрулёва, по своему, в открытую сканируя собеседника. Выждав паузу, он продолжил:

– Ты согласен, Нестор?

– Я согласен, Михаил! – со спокойствием, которое стоило Хрулёву усилий, ответил доктор.

Подошедшая девушка, видимо зная вкусы хозяина, сразу принесла ему большую фарфоровую кружку, молча поставила её на стол возле него в блестящей подставке с пробковым

дном и так же бесшумно встала чуть поодаль. Судя по исходившему от кружки аромату – в ней был глинтвейн. Внимательно наблюдая за реакцией Хрулёва на запах глинтвейна, хотя Хрулёв как мог пытался не показывать никакой реакции, Лейкин бросил в сторону девушки взгляд и слегка кивнул в сторону Хрулёва. Девушка тут же бесшумно упорхнула.

– Признаюсь, Нестор, – начал Лейкин, отхлебнув из кружки, – твоё предложение поразило меня как самой идеей, так и манерой её предложения! Ежедневно мне предлагают участие в разного рода делах; одних – сулящих прибыль, других – моральное удовлетворение, третьи – сомнительны и авантюры. Однако, твоё предложение граничит с безумием, огромными финансовыми затратами и с отсутствием прибыли даже в далёкой перспективе. – Лейкин многозначительно поднял указательный палец, – И это не вдаваясь в вопрос вообще возможности его практического воплощения!

Девушка, появившаяся откуда-то сзади, поставила на стол перед Нестором такую же кружку с глинтвейном.

– Благодарю, – произнёс уже ей вслед Хрулёв.

– Признаюсь, первоначально я не нашёл здравого смысла в твоём предложении, – продолжил хозяин своим чуть хрипящим баритоном, – однако твоя профессия; естественно я навёл кое какие справки, – Лейкин лукаво улыбнулся, – заставили меня несколько дней думать о нём. В конце концов, многие из нас ставят изначально безумные и нереализуемые планы, однако сам видишь, – он взмахнул рукой, описав полукруг, – иногда мечты сбываются! Знаешь, Нестор, почему я тебе скажу «да»? – Лейкин вопросительно впился в зрачки Хрулёва.

– Знаю. – спокойно ответил тот, уловив на секундную долю тень удивления, который внёс во взгляд смотрящего его ответ.

– Ты состоялся как личность, – продолжил Нестор, – реализовал все свои самые смелые фантазии, активная жизнь входит в финальную стадию, у тебя есть всё, у тебя было всё и теперь ты можешь себе позволить просто оттянуться и сыграть на интерес!

– А ты молод, смел, знаешь своё дело и, чёрт возьми, дерзок! – энергично перебил Лейкин, – Ты мне напоминаешь меня лет тридцать назад!

Встав, он протянул Нестору руку:

– А теперь мне пора, Витал введёт тебя в курс дела.

Лейкин бодро исчез на верхних ступенях лестницы.

– Поздравляю, – Виталий с улыбкой похлопал по плечу Нестора, – не знаю чем и как, но ты зацепил босса!

Нестор мог бы попытаться объяснить Виталию, что духовные потребности личности не ограничены исключительно жадой прибылью, что мировоззрение финансово голодного человека в корне отличается от взглядов на жизнь само-реализовавшегося члена общества. Про то, что из сотни просящих внимания и соучастия Лейкина он, Хрулёв, грамотно выделился показным спокойствием и определённых границ наглостью, просто просчитав психологическую картину их первого разговора... Вместо этого, Нестор просто посмотрел на Виталия и пожал плечами, воспользовавшись сутью старой женской поговорки – проще раз сказать «да», чем сто раз объяснять почему «нет».

Виталий проводил Хрулёва с вещами на второй этаж, где определил его в одной из комнат для гостей. Удостоверившись, что загранпаспорт у Нестора при себе, Виталий с нотками лёгкой зависти в голосе произнёс: – Завтра в пять утра будь готов, заеду. Летите с боссом на Фиджи. У него там остров и плановый недельный отдых. Дверь закрылась.

В абсолютной звенящей тишине комнаты Нестор слышал каждый удар своего сердца, как воздух каждого вдоха и выдоха шуршит о стенки его ноздрей. Во рту пересохло и лёгкое чув-

ство тошноты заставило присесть на край кровати. Он впервые отчётливо ощутил пугающее ощущение робости, перемешанное с ещё не осознанным до конца волнением от всей серьёзности и ответственности положения, выход из которого назад уже потерян навсегда. Отдышавшись и подойдя к окну, Хрулёв долго смотрел на укутанный лёгким, искрящимся снегом лес, дозами принимая осознание потери его жизнью подобной лёгкости и белизны.

Многие годы Нестор, мечтая о нечто подобном, грандиозном и масштабном, где ему отведена главенствующая роль идеолога, принимающего решения и отвечающего за всё предприятие, представлял это совсем не так. Увлечательность, задор, кураж, простота, отсутствие подводных камней, безграничный фонтан идей и возможностей... тех, фантазийных, сменило реальное ощущение ответственности и мобилизации всех возможностей лично его, Нестора Хрулёва. Казалось, гнёт предстоящего физически ощущался плечами.

Нестор наполнил ванну и погрузился в воду.

К вечеру уверенность возвратилась к Хрулёву, восполнив свою потерю процентов на восемьдесят.

– В конце концов ты сам этого хотел, – успокаивал себя Нестор, – воистину: бойся своих желаний, иногда они исполняются! Но взялся за гуж – вейся как уж!

Схлынувшие адреналин и волнение уже не мешали насладиться всей прелестью вкусового букета ужина из морепродуктов. Хрулёв любил морепродукты и ел их при любой возможности. Запив финальный маринованный гребешок вином, Нестор плюхнулся на кровать; собирать ему, в принципе, было нечего – все вещи умещались в одном чемодане, плюс сумка с документами и деньгами. Нестор вернулся в ванную и побрился. Во время процесса он даже негромко насвистывал. Видимо вино делало своё дело.

Он заснул быстро, казалось волнение и предыдущая неполноценная ночь в плацкарте. Он даже не успел по привычке ни о чём задуматься, провалившись в сон. За окном кружилась декабрьская выюга, царапаясь колючими снежинками в стёкла окна, за которым ритмично посапывал завтрашний принимающий решения и отвечающий за всё предприятие идеолог.

Глава 9

Хрулёв не любил летать. Нет, самого полёта на самолёте он не боялся, но плохо переносил перепады давления. Перспектива передвижения на небольшом частном реактивном самолёте не радовала Нестора изначально, а узнав, что лететь придётся около двадцати часов, с двумя посадками, привело его в лёгкое уныние.

У трапа новенького Бомбардира с вензелем LMS на задней части фюзеляжа Хрулёва встретила симпатичная девушка в форме напоминающей стюардессу.

В салоне было шесть роскошных кресел с белой кожей, те же что и в особняке прозрачные столы, два телевизора-панели в стенах друг напротив друга, шкаф-бар, как догадался Нестор, и удивившие его своей неуместностью ковры на полу. Минут через пятнадцать появился Лейкин, на ходу говоря по телефону, пожал Нестору руку и, не отрываясь от разговора, плюхнулся в кресло напротив. Олигарх договорил, бросил мобильник на соседнее кресло и, слегка повернувшись к пилоту, всё это время стоявшему за спиной, произнёс:

– Витя, поехали!

Капитан Витя исчез за шторкой. После пяти минут рулёжки двигатели заревели на полных оборотах и самолёт на удивление плавно и легко оторвался от взлётной полосы.

Всё это время Лейкин без устали общался по телефону. Бросая трубку на кресло, он брал её снова, ибо молчание её не длилось более двух минут. Казалось, всем абонентам мира именно сейчас нужен был олигарх Лейкин. Нестор, слегка прикрыв глаза, наблюдал за ним, вслушиваясь в голос. Прижав трубку к уху на очередном вызове, лицо олигарха менялось, а голос приобретал разные эмоциональные оттенки. Со всеми собеседниками он разговаривал по-разному. Некоторые разговоры представляли собой жёсткую отдачу приказов, во время которых лицо говорящего приобретало зловещие черты разгневанного человека; он повышал голос, перебивал и переходил на откровенно менторский тон. Закончив общение – моментально возвращался в привычное состояние внешнего спокойствия и уравновешенной сытости жизнью. С другими собеседниками Лейкин общался показательно вежливо, с улыбкой и шутками, а один разговор запомнился Нестору особой учтивостью олигарха.

Часа через два полёта коммуникативный пыл олигарха иссяк и, отложив уже отключенный телефон, он пристально посмотрел на Хрулёва.

– Укачивает?

– Есть немного, – ответил бледный лицом Нестор.

– Человек как крыса, ко всему привыкает! Меня тоже первые полгода в этом гробу трясло! – Лейкин нажал кнопку на подлокотнике, и стюардесса через секунду уже стояла в проходе.

– Плесни ка коньячку моему гостю, – с улыбкой отдал приказ олигарх, – ну и мне как обычно.

Коньяк мягким вкусом смягчил состояние, тошнота ушла, уши, по ощущениям, стало меньше закладывать. Нестор расслабился.

Лейкин, ожидая, когда тому станет легче, больше не отвлекал его, устремив своё внимание в планшет. Хрулёв с любопытством наблюдал как, водя пальцем по экрану, выражение лица олигарха менялось в зависимости от получаемой информации. Палитра беззвучных эмоций вырисовывала пёструю кричащую картину психологического полотна индивидуальности олигарха Лейкина.

– С этим человеком нужно быть осторожным, любую мою слабость он не задумываясь использует в своих целях, если ему это приспичит. – рассуждал про себя Хрулёв, – хотя на откровенного злодея-беспредельщика он конечно не тянет, но склонность к жестокости определённо присутствует. Бытие определяет сознание, а бытие мира больших денег и взрослых дел сознание выворачивает. Именно бытие вынудило возвести тройную линию обороны вокруг его простых человеческих чувств, пробиться через которую трудно, но, думаю, возможно...

Хрулёв уже не смотрел на Лейкина и размышлял, закрыв глаза, откинув голову в глубокий мягкий подголовник. – Безусловно, умный, волевой и решительный человек этот Лейкин, достоин определённого уважения хотя бы за это, но, по-видимому, жук ещё тот...

Самолёт покачивало и несколько раз он нырял в воздушные ямы. Лейкин никак на это не реагировал, теперь он с интересом читал газеты, стопкой торчащие из газетной тумбочки под ближайшим к нему столиком. Нестор уснул.

Проснулся он от удара шасси о бетонную полосу. Взглянув на часы, он подсчитал, что полёт занял около шести с половиной часов. Поднятая шторка иллюминатора залила его лицо ярким солнечным светом, Нестор инстинктивно дёрнулся и опустил шторку. Лейкина на месте не было.

Через несколько минут послышался его голос и по их разговору, видимо с капитаном судна, Хрулёв понял, что самолёт дозаправлен, осмотрен и готов к взлёту. При входе в салон Лейкина доктор закрыл глаза и притворился спящим. Самолёт, легко набрав высоту, продолжил следовать маршруту.

После обеда, вкус и состав которого снова приятно поразили Хрулёва обилием морепродуктов, оба пассажира откинули спинки кресел и погрузились в сон. Что касается еды, то их вкусы, бесспорно, совпадали.

Нестор проснулся при очередной посадке на дозаправку. За иллюминатором хозяйничала тьма, в салоне храпел представитель российского олигархата, а в голове у Хрулёва слегка подкруживало. Так Хрулёв узнал, что вино в сочетании с низким давлением его организм принимает подобным образом.

Самолёт вернулся в небо и дальнейшие часа четыре Нестор летел под ритмичный храп Лейкина, который, в конце концов, убаюкал и его.

Шасси вновь шаркнули о бетонную полосу и, пробежав ещё какое-то расстояние, самолёт замер, выключив двигатели. После двадцати одного часа в воздухе под непрерывный гул моторов и тряску, порой переходящую в болтанку, заставляющую втискиваться глубже в кресло и сжимать в кулаке бумажный пакетик, тишина и твёрдая земля под ногами воспринимались Нестором как нечто восхитительное. Выйдя на трап, в лицо ударил горячий влажный тропический воздух, который доктор с удовольствием, закрыв глаза, втянул ноздрями. Выдохнув, он, улыбаясь, сошёл вниз, усталость на его лице была вытеснена предвкушением великолепия предстоящего отдыха.

Светало. Огромный ярко красный диск солнца почти на половину выполз из-за горизонта, на его фоне силуэты пальм за ограждениями аэропорта выглядели сошедшими с рекламных постеров, коими без устали пичкают заходящих в турагенства клиентов. В ста метрах их уже ждал небольшой вертолёт. Хрулёв впервые в жизни очутился в кабине вертолёта, причём в кабине полностью прозрачной. Сев рядом с Лейкиным и надев наушники, Нестор туго пристегнулся ремнями. Олигарх похлопал по плечу сидящего впереди пилота и лопасти завраща-

лись, придав всей конструкции лёгкую вибрацию. Набор высоты показался Нестору захватывающим аттракционом, от ощущений перехватило дух. Лейкин же, заметивший восторг Хрулёва, произнёс в наушниках:

– Добро пожаловать в рай!

Если бы рай был на земле, то в тот момент он бы выглядел именно так, каким видел его из кабины вертолётчика доктор. В тёмно-синей глади океана, простирающейся за горизонт во все стороны, на фоне рдеющего рассвета были разбросаны бесконечными зелёными пятнами с песчаным окаймлением небольшие острова, некоторые гористые, а некоторые ровные как блюдца. Солнечные лучи уже отражались от крыш построек, создавая слепящее ощущение блеска, подобного блеску белоснежного снега под ярким январским солнцем где то там, в далёкой холодной России.

Густой морской воздух с букетом пряных привкусов и восторг полёта пьянили Нестора. Вдруг он снова отчётливо ощутил забытые запахи его давней поездки в Таиланд, в памяти всплыли прежние упоение первого посещения тропиков и магия знакомства с этим удивительным миром тепла и счастья.

Вертолёт около получаса летел в рассвет и начал снижаться над небольшим достаточно ровным островком. По оценке глазомера Хрулёва, остров был два на два километра, не больше, слегка яйцеобразной формы. Внутреннюю часть острова от песчаного берега отделял небольшой пояс сплошной растительности метров в сто шириной. Внутри на ровной зелёной скатерти, по всей видимости, искусственно посаженной травы, в ровном порядке возвышались несколько строений, самое крупное из которых представляло собой особняк Лейкина. На берегу у пирса покачивалась белая яхта.

Вертолёт сел на специальную площадку, в десятке метров от просторного открытого круглого бассейна с возведённым из крупных морских камней островком посередине. Из островка ввысь бил фонтан, разваливаясь в воздухе в разные стороны на множество ниспадающих струй.

Лейкин, бодро выскочив из вертолётчика босиком, на бегу скинул рубаху и, освободившись от шортов уже на краю бассейна, с шумом плюхнулся в воду. Вынырнув, он замахал руками, призывая последовать его примеру, что Нестор с удовольствием и исполнил.

Блаженно проплескавшись в бассейне около получаса, парочка поднялась к уже накрытому завтраком столу. Никогда ещё Нестор не встречал утро на затерянном в океане тропическом острове в удобном покачивающемся ротанговом кресле, посреди огромного бассейна с видом на океан и бокалом свежавыжатого сока в руке. Приятный морской бриз нежно щекотал мокрые плечи, морской воздух изнутри расслаблял тело, шелестящий плеск волн вводил в сонный гипноз. Нестору нестерпимо захотелось сна и упругости груди Тамары.

Гостя поселили в бунгало, на втором этаже которого располагалась спальня. Стены и крыша были выполнены из плотно переплетённого бамбука. В центре комнаты на мощных цепях, обвитых какой-то травой, висела большая кровать. Одна стена представляла из себя единое окно, средние части которого раздвигались и открывали выход на небольшой балкончик.

Хрулёв проспал до вечера – разница часовых поясов внесла коррективу. В прозрачную стену-окно било солнце, заливая половину комнаты лёгким белым туманом с парящими в нём пылинками. Доносился плеск волн и причудливый залиvistый щебет одинокой птицы. Доктор

раздвинул створки и вышел на балкон. Его сердце восторженно билось, душа как будто скинула с себя пуда два обыденного гнетущего постоянства.

В комнату, постучавшись, вошёл слуга-мулат и на английском сообщил, что через полчаса хозяин ожидает его в беседке возле пирса. Кроме того слуга принёс соответствующую месту и размерам одежду – светлую футболку и шорты с пальмово-тропическим принтом, рядом лежали солнцезащитные очки и белоснежная панاما. Приняв душ и, приведя себя в порядок, Хрулёв проследовал к указанному месту.

Беседка из бамбука с высокой остроконечной крышей на четырёх деревянных столбах возвышалась из морской воды, к ней вёл досчатый мостик метров семьдесят в длину. Тёплые от солнца доски слегка поскрипывали, когда Нестор шёл по ним босыми ногами, ногам было приятно и легко.

Внутри беседки по центру располагался стол, по бокам четыре плетёных кресла, а вдоль стен натянуты два гамака. Одной стены, в сторону океана не было, были лишь маленькие перила, что придавало помещению особый колорит единения с водной стихией. За столом сидел Лейкин, в белоснежной футболке и лёгких широких шортах и доедал то ли омара, то ли лобстера. Утерев губы и руки салфеткой, он жестом пригласил гостя присоединиться к трапезе.

– Запомни, док эти моменты! Именно они разбавляют серость нашего бытия! О нашем деле поговорим дня через три, а пока постарайся вписаться в этот беззаботный тепличный рай. – Лейкин опустошил залпом бокал с красным вином, – Расслабляйся и проветривай мозги, они тебе ой как пригодятся!

После трапезы хозяин повёл гостя к пирсу, у которого на песке стояли три водных скутера. Хрулёв умел обращаться с мотоциклом, но со скутером не имел знакомства, более того, видел их только по телевизору. Лейкин с нескрываемым чувством превосходства бывалого ввёл новичка в основы. Через полчаса два скутера, рыча моторами, резали прибрежную гладь. Лейкин впереди задавал маршрут, Хрулёв метрах в пятидесяти сзади старался не отставать. Минут за тридцать, пару раз делая остановки по вине неопытного новичка, они обогнули весь остров и возвратились в исходную точку. Выйдя на берег, Лейкин отметил сияющие детским задором глаза доктора и в шуточной форме выразил лёгкую зависть по поводу невозможности им испытывать такие же искренние эмоции новизны.

Лёжа под пальмами, они непринуждённо беседовали о всякой мало значимой ерунде, и каждый со своей стороны понимал, что всё это – необходимый для притирки друг к другу приятный, но всё же ритуал. Хрулёв не питал никаких иллюзий на счёт Лейкина, он знал, что у этого человека с добродушной сейчас по отношению к нему улыбкой не возникнет ни малейшего сомнения и уж тем более сожаления при необходимости уничтожить Хрулёва как в моральном так и прямом смысле. Нестор, используя свои профессиональные навыки, с лёгкостью подыгрывал Лейкину и выглядел перед ним именно таким, каким тот его желал видеть. Кроме того, Хрулёв успел заметить, что при всей своей значимости и медийности персоны олигарха, распластанный сейчас перед ним на песке человек был отягощён бременем одиночества, хотя и всячески пытался это скрывать под наработанными годами внешними масками. Нестор так же уловил, что люди, явно демонстрирующие своё более низкое положение в обществе в общении с Лейкиным, вызывают у того лёгкую степень подсознательного пренебрежения. В соответствии с этим, доктор изначально вёл подчёркнуто равную линию общения с олигархом, первое время изрядно напрягая себя. Несколько раз в разговорах Хрулёв намеренно не соглашался с точкой зрения Лейкина, хотя на самом деле имел тот же взгляд по данному вопросу – тогда общение перерастало в спор. Далее, подогрев собеседника и доведя его до определённого эмоционального фона, Хрулёв плавно сводил спор на нет, убедительно и аргументированно соглашаясь с оппонентом, давая олигарху в очередной раз ненавязчиво прогло-

тить пилюлю своей значимости. Делал он это естественно не случайно, как не случайно в общении с бультерьером хозяин прибегает к приёмам незаметной демонстрации своих «зубов» в противовес.

На третий день совместного отдыха, сидя на берегу в лучах уходящего солнца возле дымящегося мангала с разного рода рыбой, которую Лейкин сам и готовил, Хрулёв взял на себя смелость ввести зонд более глубоко в душу олигарха:

– Миша, а кем ты был в эпоху доолигархизма?

– Ну, если в двух словах, – не отрываясь от мангала на удивление спокойно отреагировал на инвазивный вопрос Лейкин, – я по образованию учитель русского языка и литературы. Преподавал в школе в родном Сталинграде...

– Сталинграде? – удивился Нестор.

– Да, Сталинграде, предвидя недоумение, утвердительно кивнул Лейкин, – это для вас он Волгоград, а для меня и моей эпохи этот город был и останется городом Сталина, человека, создавшего империю!

– И тебя не смущают методы создания этой империи? – Хрулёву стало интересно.

– Методы? – проворно повернувшись к собеседнику, переспросил Лейкин.

– Ну да, о сталинских репрессиях только ленивый не высказался за последние три десятка лет.

– Док, вот ты вроде умный человек... хотя видимо исключительно в своей сфере, – после паузы заметил Лейкин, – но по факту, ты одна из жертв средств массовой идиотизации, стада которых миллионами пасутся на российских просторах, заглатывая подножный информационный корм, швыряемый ему под копыта! Сталин за десять лет первых двух пятилеток из разорённой гражданской войной аграрной России создал индустриальную державу, выстоявшую против ополчившегося на неё остального мира!

Было видно, что эта тема оказалась на удивление значимой для Лейкина.

– Естественно, такой прорыв молодого социально ориентированного государства стал перчаткой, брошенной в морду капитализму. – Лейкин с возрастающим напором в голосе продолжал, – Вот тогда-то те, кого сейчас принято называть либералами или пятой колонной, и запустили мясорубку, включив машину уничтожения лучших умов страны. В армии зрел заговор среди высших офицеров, а Ежов и Ягода НКВДэшным топором рубили налево и направо.

Лейкин посмотрел в глаза Хрулёву:

– Или ты думаешь, что если Сталин номинально был главным, то всё было под его контролем?

– А разве нет? – возразил Нестор.

– Друг мой, в этом мире ничего не меняется с тех пор, когда человек создал первые поселения, из более, чем двух семей. Во все времена везде правили кланы! А борьба кланов что тогда, что сейчас всегда оборачивалась кровью простого населения...! – Лейкин снова отошёл к мангалу и, переворачивая шампуры, продолжил уже более спокойным тоном рассказчика, очевидно, что роль просветителя ему доставляла удовольствие:

– Так вот, Ежов, Ягода и их гнилая братия тогда трудились, не разгибая спин, списывая лучших людей страны в утиль... и только когда в конце тридцать восьмого, когда репрессии приобрели чудовищные размеры, Сталин внедрил в НКВД своего человека – Лаврентия Берию. Тот, возглавив позже НКВД, остановил этот маховик смерти и уничтожил тех, кто его запустил. Но продажные историки девяностых впили в летопись страны репрессии тридцатых под именем сталинских! ... Писаки вроде Солженицына заливали в разум читателей десятки миллионов уничтоженных кровавым Салиным граждан, получая за враньё всевозможные западные премии, хотя за всё время правления Сталина, а это около тридцать лет между прочим, по доку-

ментам было менее двух миллионов арестованных, включая уголовников и прочих отморожков; из них расстреляно менее восьми сотен тысяч. А после Сталина отравили, пришёл Хрущёв, который в тридцатые сам активно участвовал в репрессиях и мой город лишили великого имени!

Лейкин снова повернулся в сторону Хрулёва:

– Сегодня никто не говорит об истинных созидателях Руси – Иване Грозном, Александре Третьем, Иосифе Сталине – их имена всячески замыливаются и смешиваются с дерьмом средствами информации. А всё потому, что владельцы большинства российских СМИ – граждане запада, а западу не нужны страны-конкуренты с умным образованным и знающим свою историю обществом!

Лейкин взял в руку два шампура и, подойдя к Хрулёву, протянул один ему.

– Мы живём в царстве лжи и, похоже, ложь окончательно победила, – нотки сожаления сочлились из его слов, капая обжигающим рыбьим жиром на ногу Нестора.

– Нет больше народа-победителя Наполеона и Гитлера, есть биомасса потребителей, желающая жрать ещё сытнее, работать ещё меньше и жить ещё дольше! И этому сброду можно скармливать любые помои... – олигарх похлопал Нестора по плечу и с безрадостной улыбкой добавил, – Именно этим мы с тобой и займёмся, док, поиграем в продолжателей дела профессора Павлова!

Дальнейшие полчаса прошли в безмолвном рыбном пиршестве.

Хрулёва поразила эксцентричная лекция олигарха. Он понимал, что в его словах или даже крике из самой глубины души красной нитью прослеживалась горечь сожаления об ушедшей эпохе, об утрате сильной и справедливой страны, о потере координат и направления дальнейшего движения. Нестор почувствовал, что сейчас он прикоснулся к самому незащищённому участку толстой огрубевшей кожи динозавра – олигарха. Но тот, каким в эти минуты предстал перед ним Лейкин, тот человек уже в прошлом, да, ещё подающий признаки жизни и с ещё бьющемся в агонии сердцем, ... но уже в безвозвратном прошлом, которое могильной плитой погребло под собой остатки любви к человечеству. Лейкин сегодняшний, таким, каким его знало общество, не имел ничего общего с тем пекущимся о справедливости, и рассуждающим о правде, человеком.

– У меня сложилось стойкое впечатление, что ты разочарован в простом российском народе. – нарушил молчание Хрулёв

– В народе? – с издёвкой распрямившейся пружиной ответил Лейкин, – Мой народ остался там, в стране первооткрывателей и романтиков! Я уважал и ценил народ страны советов, я вглядывался в его лица, и мне было радостно от ощущения себя частью этого народа; я гордился своей страной! Пока этот народ под общее ликование, не променял свою страну на гамбургеры и заграничные шмотки! Его грабили, а он ходил с лозунгами «Да здравствует приватизация!», его насиловали и убивали, а он прятался за металлическими входными дверями и решётками на своих окнах... На моих глазах великий народ превращался в тупое стадо! – Лейкин гневно отбросил пустой шампур.

– И чего в результате получил этот народ? А? – он вопрошающе посмотрел на Хрулёва и, не дожидаясь ответа, продолжил, – У него было бесплатное образование, медицина, жильё, постоянная гарантированная работа, бесплатный отдых и лечения в санаториях, его страну уважали, но самое главное у него была уверенность в завтрашнем дне! В его стране единственной в мире хлеб и чай в столовых были бесплатными – приходи и ешь, сколько влезет! Но он просрал и свою страну, и будущее своих детей, и память героического прошлого! Нет, Нестор, это давно не мой народ и уважение к нему я потерял ещё в начале девяностых. И вот тогда я вспомнил национальность своего отца и, переступив через совесть и самоуважение, начал

выбираться из этого коллективного дерьма по головам его же производителей! Ты думаешь мне было легко?

Хрулёв снова, среди отблесков костра на лице Лейкина, увидел глаза того умирающего человеческого человечка.

– Думаешь легко жить, выключив совесть и переступая через тех, кому ещё вчера жал руку и улыбался в лицо?!

Лейкин замолчал, казалось, слеза вот-вот заблестит в уголке глаза, но черты олигарха привычно приобрели повседневную холодность и, встав на ноги, повернувшись к Нестору, он произнёс:

– Хватит соплей, мы такие, какие мы есть, и жить нам всё равно придётся, а уж как нам придётся жить – это наш личный выбор и сделать его всё равно когда-то предстоит каждому. Я свой выбор сделал. И, похоже, ты свой тоже!

Лейкин развернулся и направился в сторону хозяйского бунгало. Хрулёв последовал за ним, свернув далее в сторону своей спальни, завершив очередной свой день в тропическом раю.

Глава 10

Шестнадцать миллионов долларов уже шестой час прорезали океанскую гладь своим острым носом. Белоснежная сорокаметровая красавица была особой гордостью Лейкина: вступив на борт своей яхты, его лицо приобрело какие-то новые, не замеченные ранее Хрулёвым штрихи. Сидя на верхней палубе в уютных подвесных шезлонгах, покачивающихся в такт океану, Лейкин расслабленно, полузакрыв глаза, предавался релаксации. Хрулёв же не менее расслабленно смотрел в синюю даль, иногда переводя взгляд на олигарха. Об борт умиротворяюще билась волна, изредка пролетающие чайки приветствовали Нестора, а солёный морской воздух утончённой приправой вопиющей беззаботности дополнял букет вкусов райского блаженства. Как же давно Нестор не был так умиротворён и спокоен, и даже небольшая качка на удивление спокойного в это время океана не вносила в его ощущения ни малейшего дискомфорта. Вокруг на расстояние взгляда был только океан, невидимой границей вдаль переходящий в небо, впереди ждали двое суток плавания и рыбалка на марлинов. Рыбалку Нестор любил, но рыбалку на марлинов видел только по телевизору и никогда в жизни даже не мог себе представить, что уже совсем скоро окажется реальным участником этого редкого действия богачей.

После великолепного обеда олигарх провёл часовой курс обучения процессу ловли марлинов. Всё оказалось куда сложнее простой рыбалки, но искренний интерес Хрулёва и эмоционально-восхищённая манера объяснений, позволили Нестору довольно быстро вникнуть в суть дела. Можно долго с эпитетами описывать многочасовую схватку Хрулёва с его первым марлином, сопровождаемую неожиданно большой физической нагрузкой и непрерывными советами Лейкина в ухо по нужным и ненужным поводам, сдобренными отборным матом, но уместнее будет описать ощущения Хрулёва одним предложением. Выжатый и измотанный Нестор, вытащив на палубу кормы не менее измождённого огромного полосатого марлина, с острокопечным носом-копьем испытывал чувства, граничащие с абсолютным восторгом. Капли слёз в уголках горящих глаз, раскрасневшееся от усилий лицо, трясущиеся от напряжения руки, мокрые от пота волосы и футболка, олицетворяли в человеке, в бессилии лежащем на палубе из тиковых досок, полное толкование слова счастье.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.